

На правах рукописи

Якоба Ирина Александровна

**КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ
МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.19. – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ
2020

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Серебренникова Евгения Фёдоровна

**Официальные
оппоненты:** **Желтухина Марина Ростиславовна,**
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Волгоградский государственный социально-
педагогический университет», профессор
кафедры английской филологии

Казыдуб Наталья Николаевна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П.
Астафьева», профессор кафедры английского
языка

Ухова Лариса Владимировна,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского», доцент
кафедры теории коммуникации и рекламы

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени академика
С.П. Королева»

Защита состоится 30 апреля 2020 г. в 09.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.022.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова 4, конференц-зал
научной библиотеки (8205 ауд.).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» и на
сайте организации: [http://www.bsu.ru/content/disser/844/dissertaciya-i.a.-
yakobi.pdf](http://www.bsu.ru/content/disser/844/dissertaciya-i.a.-yakobi.pdf)

Автореферат разослан « _____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 Зырянова Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению воздействующего потенциала медийного дискурса в коммуникативном пространстве в контексте современного этапа эволюции культуры и общества. Одной из существенных характеристик современного пространства взаимодействия является усиление влияния медийного пространства на коллективное сознание; изменение природы установления отношений в коммуникации в сторону неравенства на основе усиления властного, силового способа влияния открытого или скрытого плана. В этой связи особую значимость приобретает изучение состояния и динамики семиотического взаимодействия языка, человека, общества и культуры, роли языка в поддержании и изменении отношений в современном обществе; углубление анализа дискурса, свидетельствующего о процессах влияния и управления коммуникативной ситуацией, проблемы осознания данных процессов человеком и обществом.

В русле подхода к языку как социальной семиотике, конституирующей социальные практики, разработка данных проблем основывалась в основном на прагматизме и широком поле лингвопрагматики с обращением к традициям теории аргументации и риторики. В данном русле выделяется, прежде всего, концептуальная тенденция, связанная с теорией речевого воздействия, к которой следует отнести теорию речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль), теорию интенциональности (Г.П. Грайс, Дж. Сёрль), теорию аргументации (Ф. ван Ееремен, Р. Гроотендорст), теорию манипуляции и провоцирования (А. Грамши, Э. Берн, Т. Адорно, Г. Маркузе, С. Кара-Мурза), теорию мифологизации (Р. Барт). В установочном плане в вышеперечисленных концепциях разрабатывается положение об иллюкативной силе акта речи и фокусируется идея одностороннего интенционального воздействия адресанта на публичного адресата, без акцентирования факта интеракционального измерения коммуникации.

Усиление положения об открытом характере языка и нелинейности коммуникации способствует развитию категории диалогичности дискурса (М.М. Бахтин, В.С. Библер), формирующей представление о коммуникативном пространстве как пространстве «между», определяющем конструирование смысла во встречных обменных процессах между адресантом и адресатом. Категория и теория диалогичности обогащается теориями конверсационального анализа и имплицатур в презумпции следования постулатам общения (Г.П. Грайс), интеракциональной лингвистики, аутопойетической концепции, в которой язык трактуется как взаимная координация поведения в пространстве лингвистических символов (У. Матурана, Ф. Варела), концепциями об акциональности языка в его воздействующем потенциале, способствующем социальному конструированию действительности. Утверждается мысль не только о функциональном, моделирующем, но и управляющем, мобилизующем потенциале дискурса (Р.О. Якобсон, Т. ван Дейк, Р. Блакар, М. Фуко, Г. Лассуэлл, Н.Д. Арутюнова, Е.И. Шейгал, van Leeuwen и др.) в процессах осмысле-

ния, оценивания и действия, приобретающих событийный характер в практике социального бытия. В концепции социального конструирования реальности [Бергер, Лукман 1995] разрабатывается проблема социологии знания и языка в русле решения вопроса о том, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека. Предметом анализа становится изучение взаимосвязи человеческого мышления, опредмеченного языком, и социальных контекстов коммуникации.

Развитие когнитивного подхода к языку и когнитивной лингвистики позволяет сосредоточить вопросы, связанные с событийной телеологией дискурса как реальной феноменологии языка в коммуникации, в русле динамического подхода к анализу и принципа междисциплинарности анализа лингвокогнитивных процессов. На стыке анализа дискурса, социолингвистики, медиалингвистики, социальной психологии, философии, кратологии, политологии формируется направление анализа социального дискурса, в котором эксплицируются и продвигаются смыслы общего интереса [Angenot 2006], а также критического анализа дискурса, в русле которого формулируется эпистема «власти дискурса» [Fairclough 1989]. Отвечая потребности в познании социальной реальности языка и обладая статусом когнитивной метафоры синергического плана, данная эпистема образует концептуальный кадр для разработки вопросов функционального, инструментального плана в языке, выходящих на ряд поставленных в современной лингвистике проблем [Фуко 1966, 1969; Лассуэлл 1948, 1950; Чернявская 2006; Хабермас 2007; Водак 2011; Дейк 1989, 2013].

Власть дискурса понимается как отношение силы в коммуникации – степени интенсивности производимого влияния и трактуется двояко: как власть, стоящая «за языком» и как власть «в самом языке» [Fairclough 1989; Sik Hung Ng, Fei Deng 2016]. В первом случае воздействующий потенциал дискурса определяется его обусловленностью центрами силы в социальном коммуникативном пространстве. С этой точки зрения, на макро- и на микро-уровнях ставится цель произвести «анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке» [Водак 2011: 287]. Уточняется, что «не выраженные прямо аргументы и туманные тексты подвергаются реконструкции, и содержащиеся в них скрытые значения раскрываются» [Водак, там же]. Т. ван Дейк, оперируя концептами власти, истории и идеологии, обращается к вопросам злоупотребления властью и воспроизведения неравенства через идеологии [Dijk 1998: 4]. Обосновывается идея о том, что «власть связана с контролем, а контроль над дискурсом означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю и, в конце концов, общественному сознанию» [Дейк 2013: 15]. В этом плане значимо обоснование положений о стратегичности дискурса [Дейк 1989] и коммуникационно-технологической природе осуществления воздействия в социальном пространстве [Плотникова 2011-2018]. Данный концептуальный ряд поддерживается философией деконструкции дискурсов [Деррида 1992, 2000]. Понятие эффективности дискурса связывает-

ся с соответствием дискурса технологии, адекватной контекстам, условиям и целеполаганию в коммуникации.

Вместе с тем, достигнутый уровень в постановке и опыте решения проблем воздействия дискурса и эффективной коммуникации нуждается в развитии предметно-познавательных и процедурно-методологических сторон данной концепции влияния дискурса с точки зрения выявления *власти самого дискурса* в управлении коммуникацией посредством управления, наладки дискурса. В этой связи необходимо подойти к разработке проблемы доминирования дискурсивной формации как носителя знания, идеи и оценки и достижения ею телеологической, моделирующей, трансформирующей – событийной предназначенности – реализации её властного, силового потенциала в коммуникации. Углубленная разработка данных вопросов будет способствовать разрешению ряда противоречий, выявляемых в русле анализа воздействующего потенциала дискурса, к которым относятся соотнесение между векторной направленностью воздействия и диалогичностью коммуникации; идеологичностью дискурсивной формации как точки зрения и гетерогенностью когнитивных аксиосистем множественного социального адресата наряду с многомерностью и неопределенностью процессов дискурсивной самоидентификации; управляемыми процессами доказательной аргументации и спонтанными процессами реагирования разного свойства. Целесообразным представляется обращение к более специальному изучению медийных дискурсов, признанных в качестве резонансных, формирующих дискурсивное событие, достигающих качества эффективности.

Актуальность исследования, таким образом, определяется необходимостью развития теории дискурса в динамическом подходе к его анализу в русле синергично-силовой концепции и, на этой основе, раскрытия реализации властного, силового способа влияния языка в современном медийном пространстве и, в частности, осуществления адекватного моделирования сил, параметров, механизмов достижения дискурсом событийной предназначенности. Актуальным в этом плане является также интеграция в методологии анализа социального медийного дискурса теорий и концепций, развивающих динамический подход к языку: внешней и внутренней параметризации объекта континуального плана [Хакен 1980, 1985; Кубрякова 2001, 2009]; динамической модели траектории реализации дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова 2013]; технологизации дискурса [Плотникова 2006-2018]; концепции «власти» и «силы» [Нье 2004, 2008; Арндт 1996; Бодрийяр 2000; Липовецки 2001; Бауман 2008; Маттерн 2008]; аксиологической параметризации дискурса и категории аттрактивности [Серебренникова 2011-2018]. Растущая интеллектуализация медийного пространства и дискурсивное конструирование «возможных реальностей» [Степанов 1995], поднимает вопрос об «умном» вкладе медийного дискурса в данные процессы. Дальнейшая разработка ключевой проблемы эффективности дискурса в этой перспективе выходит на уровень раскрытия «умного» способа достижения дискурсом характера «события» (в терминах Н.Д. Арутюновой) – изменения видения мира в координатах конструируемого

коммуникативно-дискурсивного пространства в соответствии с его дестинацией – когнитивно-аксиологической предназначенностью как вклада в такого рода изменение.

Гипотеза исследования. Проблема воздействующего силового потенциала медийного дискурса раскрывается через эпистему *власти* дискурса в коммуникации и может получить объяснение в рамках синергично-силовой концепции дискурса. Синергично-силовая концепция дискурса параметризуется для конструирования эффективности коммуникации. Термин «параметризация» определяется как выявление измерений (параметров) континуума, с помощью которых устанавливается когнитивная «наладка» модели [КСКТ 1996]. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса в динамике его реализации представляет собой технологию «Умная настройка» (ТУН), которая характеризует дискурс в его оптимальной приближенности к эффективному воздействию, доминированию дискурсивной формации в коммуникативном пространстве, способствует событийности.

Объектом исследования являются поликодовые медиа-тексты, определяющие медийный дискурс на русском, английском, французском языках.

Предметом исследования является когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса как централизованного дискурсивными силами (ДС) интеллектуального пространства (ИП).

Материалом для исследования послужили тексты медийного дискурса различной формации: полимодальные поликодовые рекламные слоганы, политические лозунги, публичные политические, коммерческие выступления, сообщения новостного, аналитического, публицистического характера. В корпус эмпирических данных включены тексты политического, коммерческого, социального дискурса, объемом более 550 тыс. знаков. Хронологический срез включает выборку текстов с XVIII по XXI вв., представленных в медийном пространстве в качестве значимых для публичного адресата. Привлечение к анализу материала на русском, английском, французском языках обусловлено необходимостью верифицировать гипотезу, минимизировав при этом влияние системных аспектов конкретного языка.

Целью исследования является моделирование медийного дискурса в когнитивно-коммуникативных параметрах интеллектуального пространства, регулирующих эффективность дискурса.

Задачи исследования:

1) проанализировать медийный дискурс в русле динамического подхода с точки зрения сил влияния, обуславливающих аттрактивность знака и порождаемых ими трансформационных явлений энергичного типа в коммуникации, и установить теоретические основания разработки параметризации дискурса с позиции синергично-силовой гипотезы исследования;

2) определить потенциал эпистемы *власти* как силы дискурса в координатах технологичного взаимодействия на основе положения о силе *за языком* (внешние параметры) и силе *в самом языке* (внутренние параметры);

- 3) представить модель блендового ментального пространства открытого типа как «интеллектуальное пространство» (ИП); установить параметры ИП в аспекте управления им в динамике современного социума;
- 4) разработать типологию дискурсивных сил (ДС), ее показатели по концептуальному сценарию, феноменологии, телеологии и аксиологии;
- 5) описать эффективность дискурса по степени градации сил;
- 6) дать теоретическое обоснование и установить целостную модель ТУН в медийном дискурсе;
- 7) составить инструментарий и глоссарий ТУН, позволяющие выявить его гибкость с позиций конструктивного синергично-силового подхода к реализации в качественных характеристиках аксиологической вариативности, интерпретативности и технологичности;
- 8) разработать и систематизировать параметры ТУН, реализующиеся за счет действия ДС с разной степенью интенсивности достижения эффективности;
- 9) исследовать и описать реализацию ТУН с позиции эффективности в политическом, коммерческом, социальном видах медийного дискурса;
- 10) установить соотношения между вариантами моделей ТУН с точки зрения возможностей для управления коммуникацией.

Теоретическую базу исследования составили положения синергетики и лингво-синергетики [Хакен 1980; Герман 1999, 2000; Князева, Курдюмов 1994]; теории самоорганизации сложных систем [Пригожин 1991; Хакен 1985]; положения аксиологии [Ильин 2005]; теории оценки [Арутюнова 1988; Вольф 2002; Викулова 2014], лингвоаксиометрии [Серебренникова 2009-2018; Викулова 2015]; антропоцентрический подход к языку [Арутюнова 1988], принципы и положения когнитивной лингвистики [Lakoff 1987, 1992; Кубрякова 1995, 2004; Болдырев 2001; Маслова 2004, 2008; Evans, Green 2006], интеграционная модель смешанного / блендового пространства [Fauconnier, Turner 2006], теория дискурса и дискурсивной формации [Фуко 1996, 2004а; Карасик 2002; Кибрик 2009]; концепции процесса смыслообразования и мифологизации [Барт 2008, 2015]; идеи о расплывчатой семантике знаков [Демьянков 2003]; категория изменчивости знаков при реализации ими символической функции и интерпретативности смыслов [Филиппс, Йоргенсен 2004; Романов 2002, 2015; Шаховский 2015]; теория манипуляции [Кара-Мурза 2004; Каплуненко 2012]; динамический подход к дискурсу [Фуко 1996, 2004а; Серию 1999; Степанов 1995]; медиа-дискурс и рекламная коммуникация [Ухова 2013-2019]; теория метафоры [Хахалова 2011, 2013]; теория напряжения/напряженности как категории высказывания [Адмони 1969; Ельцова 2006]; диалоговая теория коммуникации и дискурса [Библер 1975; Бахтин 1996]; неориторика [Барт 1989; Эко 1998; Гроотендорст, Еемерен 1992; Перельман 1987]; теория коммуникации [Якобсон 1975, 1985; Dijk 1997; Почепцов 2006; Хабермас 2007а, 2011]; концепция медийного и мультимедийного дискурса [Кибрик 2016-2019]; положения о характеристиках коммуникативных технологий [Желухина 2019]; теория номинализации, полимодальная коммуникация, стратегичность распределения внимания в языке и дискурсе [Ирисханова 2004-2018]; семиотика коммуникации и семиотика дискурса [Барт 1989; Лотман 1996, 2000; Шейгал 2000]; модель открытости смысловых произведений и интерпретативных процессов [Эко 1998, 2005]; теория тенсивности семиозиса [Греймас, Фонта-

ний 2007]; теория моделирования дискурсивного пространства [Казыдуб 2009]; положения психолингвистики и психонейролингвистики [Дашинимаева 2010, 2011; Черниговская 2015]; положения лингводиnamики текста, самодвижения смысла в текстовой системе [Мышкина 1998, 1999, 2011]; психолингвистическая концепция суггестивных ресурсов текста как внутренней формы вербальной модели [Рогожникова 2016]. В анализе дискурса важное значение придаётся работам направления критического анализа дискурса [Fairclough 1996; Водак 2011; Хабермас 2011; Дейк 2013], теории деконструкции дискурса [Деррида 1992, 2000]. Философию и лингвофилософию исследования составили идеи взаимосвязи языка и власти в рамках аксиологической трактовки идеологии и критики языка в ряду других феноменов современной культуры [Ницше 2005]; феноменологический анализ языка [Хайдеггер 1993; Гуссерль 1994]; взаимосвязи языка и общества [Витгенштейн 2011]; теория конструирования социальной реальности [Бергер, Лукман 1995]; положения о дискурсе как инструменте и эффекте власти [Фуко 1996]; теория интенциональности [Сёрл 1987; Гуссерль 1994] и теория речевых актов [Остин 1986]. При разработке аспектов концептов «власть» и «сила» учитывались положения и выводы российских ученых [Болдин 2011; Борисова 2015; Паршин 2015; Зевелев, Троицкий 2007; Кожемякин 2014; Крысин 2014; Лебедева 2017; Русакова 2010, 2013; Панова 2010, 2012; Тимофеев 2011; Чернявская 2006, 2009], а также работ зарубежных ученых [Austin 1975; Foucault 1979; Fairclough 1989; Mumby 1993; Ng. Bradac 1993; Talbot, Atkinson, Atkinson 2003; Russell 2004; Lukes 2005; Reisingl, Wodak 2005; Holtgraves 2010; Crystal 2012; Wakslak, Smith, Han 2014; Sik Hung Ng, Fei Deng 2016].

Теоретическую основу исследования составляют также подход к медийному дискурсу как миру общения, в котором новые информационные средства способствуют ориентации человека в мире и взаимодействия людей друг с другом [Эко 1998, 2005; Маркузе 2002; Луман 2005а, б; Хабермас 2007б], моделирование и специфика воздействия в медиадискурсе [Желтухина 2014, 2016, 2019]; концепции информационного общества [Винер 1958; Тофлер 1999; Белл 2004], общества потребления [Бодрийяр 2000], общества спектакля [Ги Дебор 1999], самопрезентации [Гоффман 2000], общества-медиума [Маклюен 2003, 2005]; модель социодинамики культуры с точки зрения интеллектуального языкового творчества и интеллектуального рынка [Моль 1973]; модель ноосферы и положение о приоритете сферы разума [Вернадский 2004]. К ряду основополагающих концепций, легших в основу данного исследования, относятся энергетическая концепция языка [Гумбольдт 2000], концепция власти дискурса [Дейк 2013; Чернявская 2006], концепция регулирования отношений мягкой, жесткой, умной силами [Nye 2002, 2004, 2008 а, б, Най 2010], концепция технологизации дискурса [Плотникова 2011], концепция аксиологической параметризации дискурса [Серебrenникова 2013].

Методология и методы исследования. Исследование осуществляется в русле динамического синергично-силового подхода к дискурсу, что определяется ракурсом его рассмотрения как тенсивной, силовой сущности, воздействующей с разной степенью на разум, эмоции, сознание, подсознание коммуникантов. В качестве методов комплексного лингвистического анализа текстов/дискурсов различных формаций используется целостная методология анализа дискурса на основе динамического подхода и принципа конструктивизма, когнитивное моделирование; разработанный в рамках медиа-

лингвистики интегрированный подход к анализу медийного дискурса, сочетающий несколько методов, подразумевающих анализ текста/дискурса с точки зрения способа его создания и воспроизведения, канала распространения, функционально-жанрового типа, тематической доминанты [Добросклонская 2014]; метод деконструкции [Деррида 1992, 2000], инференция, лингвоаксиологический анализ, интерпретативный анализ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса представляет собой наладку дискурсивизации в центрированном дискурсивными силами интеллектуальном коммуникативном пространстве. ИП определяется как ментальное блендовое пространство открытого типа. Параметризация эффективного медийного дискурса имеет характер дискурсивной технологии «Умная Настройка». ТУН влияет на конструирование дискурса в плане установления доминантного отношения к адресату и способности дискурса породить собой событие в ИП.

2. Технология «Умная настройка» дискурса представляется как оптимальный способ доминации. ТУН обладает интегральными характеристиками синергичности и аттрактивности. Настройка дискурса определяется «умной», если становится эффективной, достигает дестинаторности и способствует событийности.

3. Потенциал власти дискурса зависит от гибкости сил дискурса по степени эффективности, определяется активизацией параметров, стоящих *за дискурсом* и *проистекающих из дискурса* в процессах его реализации. В ряду внешних параметров дискурса выделяются: *аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, горизонт ожиданий адресата, режим коммуникации*. В ряду внутренних параметров дискурса выделяются: *аттрактивизация сообщения, смысло-ритмические модуляции, модализация, гармонизация, паттернизация, поликодовость, тенсивность*. Параметры ТУН в их совокупности влияют на адресата синергично, воздействуя как на рациональный, так и иррациональный уровень рефлексии, на бессознательное, эмоциональное измерение его когнитивной системы, на глубинный ценностный уровень смысло-жизненных концептов адресата.

4. ТУН порождается отношением аттракции к референтным зонам медиатизации – ситуациям реального мира и другим дискурсивным позициям, имеющим характер когнитивной неопределенности, порождающей переживание интереса, риска, вызова. ТУН параметризована в векторах движения силы: присоединения к высказываемой позиции и/или доминирования в коммуникации. Предусматривает использование преимуществ синергии сил дискурса в таком сочетании жесткой (ЖС) и мягкой сил (МС), которое трансформируется в вектор умной/гибкой силы (УС). ТУН реализуется в трех вариантах: базовая ТУН, в наибольшей степени отвечающая характеристикам аттрактивности и достижения дестинации на основе УС, варианты с доминированием ЖС или МС.

5. При параметризации модели ТУН, в которой превалирует УС, целью продвижения в дискурсе является управление траекторией дискурса для оптимизации коммуникации. УС «проделывает» за адресата интеллектуальный аргументативный путь концептуализации и оценивания, но поворачивает его в нужном направлении. В качестве отличительных характеристик выявляются аттрактивность, сдвиг смысла сообщений и их оценки, смещение целевых, идентификационных ориентиров адресата, выходящих на эмоционально-аффективный уровень; задействование факторов вне рациональной рефлексии. Концептуальный сценарий задаёт фрейм достижения взаимовыгодного результата, удовлетворения потребностей посредством ценностной переориентации.

6. При параметризации модели ТУН, в которой превалирует МС, целью продвижения в дискурсе является создание интенсивной положительной аттракции в векторе солидаризации с высказываемой позицией и достижения согласия в коммуникации. В качестве отличительных характеристик выявляются инициация диалогового режима общения, эмпатии, убеждения; способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия в реализуемом дискурсе; формулирование символов «непреодолимой» аксиологической привлекательности. Концептуальный сценарий задаёт фрейм сотрудничества и самопрезентации, конструирования авторитетной позиции.

7. При параметризации модели ТУН, в которой превалирует ЖС, целью продвижения в дискурсе является максимальная степень воздействия на сознание адресата. В качестве отличительных характеристик выявляются интенция на доминирование, которая открыто, рационально, эмоционально и однозначно финализирует дискурс на конструируемые выводы, аксиологически не оставляя возможностей выбора; отсутствие диалогической перспективы дискурса; идеологический характер высказываемой точки зрения. Концептуальный сценарий задаёт фрейм зависимости в реализуемом дискурсе, принуждает адресата к подчинению.

8. Социальный медийный дискурс может быть технологично настроен посредством действия УС с доминацией ЛКМ рефреймирования, спин-докторинга, инспирации, вовлечения в игру. ЛКМ имажинеринга и позиционирования выявляются как базовые механизмы медийного социального дискурса.

9. Политический медийный дискурс может быть технологично настроен посредством действия ЖС и УС с доминацией ЛКМ фокусирования, диалогичности, позиционирования в подвиде единения, имажинеринга. Проявление явной агональности в политическом дискурсе указывает на доминирование ЖС.

10. Коммерческий медийный дискурс технологично настраивается посредством действия МС и УС с доминацией ЛКМ вовлечения в общение, вовлечения в бизнес, дефокусирования, вовлечения в инновационность. Кон-

струирование аттрактивного бизнес-имиджа основано на синергичном эффекте продвигающих инструментов и визуальных средств.

Научная новизна исследования определяется разработкой в русле динамического подхода проблемы влияния на коммуникацию посредством управления дискурсом с позиции синергично-силовой гипотезы исследования. Впервые посредством синтеза категории интерпретативности и когнитивных оснований языка современное открытое медийное пространство определено как пространство интеллектуальное. Впервые путём параметризации (настройки) в моделировании когнитивно-коммуникативных процессов раскрыты онтологические, феноменологические и телеологические аспекты конструирования доминанции в медийном пространстве. Обоснован потенциал *власти дискурса* как актуальной дискурсивной технологии, учитывающей условия, факторы и способы влияния, стоящие за дискурсом и порождаемые самим дискурсом в процессе его реализации. Впервые создана параметрическая технологическая модель силового влияния дискурса в медийном пространстве, включающая дискурсивные силы, когнитивно-коммуникативные параметры и лингвокогнитивные механизмы; показаны варианты реализации ТУН с учётом показателей комбинаторики УС, ЖС и МС. Предложен новый терминологический аппарат для когнитивно-коммуникативного моделирования и различные вариации моделей в социальном, политическом и коммерческом дискурсах.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что разработана целостная, базирующаяся на принципах синергично-силовой концепции дискурса и теоретических установках и положениях когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике модель параметризации медийного дискурса, позволяющая де/конструировать интенциональность дискурса полисемиотической природы, обеспечивающей его дестинацию. Уточнены предметно-познавательная и методологическая компоненты эпистемы *власти дискурса*. Разработанная модель эффективного медийного дискурса нелинейной континуальной организации позволяет непротиворечиво объяснить потенциал многофакторного воздействия на адресата с целью доминанции в коммуникации. Значимым является также введение терминологического аппарата интегрированной модели анализа и оценки эффективности дискурса поликодового типа. Выявлены и систематизированы дискурсивные силы, когнитивно-коммуникативные параметры и лингвокогнитивные механизмы ТУН в медийном дискурсе предметных областей политики, социальной сферы, экономики и рекламы.

Практическая значимость состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике научных исследований процессов семиотического управления социальными процессами; при оценивании эффективности дискурса на основе параметров синергично-силового характера и соответствия их комбинаторики критерию гибкости; при анализе дискурсов различной формации с использованием инструментария технологии «Умной настройки»; в практике создания социально значимых текстов. Результаты исследования могут найти применение в процессе преподавания дисциплин «Теория языка», «Аксиологическая лингвистика», «Семиотика», «Теория коммуникации», «История и методология науки», «Теория текста и дискурса», в научно-исследовательской работе аспи-

рантов, а также студентов при написании курсовых и дипломных проектов. Материалы исследования обладают прикладной значимостью для подготовки дискурсивных технологов, PR-специалистов, имиджмейкеров, журналистов, специалистов в области межкультурной коммуникации.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.19 – теория языка, в частности, следующим научным областям: 1. Теоретическая лингвистика. Язык и мышление, их взаимодействие. Язык и коммуникация. Язык и общество, язык и культура. 6. Семантика. Смысл высказывания, как вся та информация, которую вкладывает в него говорящий и которую должен извлечь из него адресат. Прямой и косвенный способы передачи смысла. Эксплицитная и имплицитная информация в высказывании. 7. Дискурс. Два подхода к языку: статический (off-line) и динамический (on-line). Когнитивный подход.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на международных научных конференциях «Новые возможности общения: достижения лингвистики, переводоведения и технологии преподавания иностранных языков» (Иркутск: ИрГТУ 2009, 2011); «Эволюция имиджа переводчиков: от невидимого передатчика к модератору диалога культур» (Иркутск: ИГЛУ 2011); «Сорокинские чтения в МГУ им. Ломоносова «Социальное неравенство как глобальная проблема современности» (Москва: МГУ 2013); «Soft power: теория ресурсы дискурс» (Екатеринбург: ИГУП УрФУ 2017); «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа» (Иркутск, ИГУ 2018); на всероссийских научно-практических конференциях «Аспирантские чтения в ИГЛУ» (Иркутск: ИГЛУ 2013, 2014); «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» (Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ 2015, 2016); «Язык, культура, наука и техника страны изучаемого языка» (Иркутск: ИРННТУ 2015); на конкурсе научно-инновационных проектов Всероссийского Фестиваля Науки (Иркутск: ИрГТУ 2011); на открытом Европейско-Азиатском Первенстве по научной аналитике «Проблемы современной филологии, педагогики и психологии» (Великобритания: Лондон, МАНВО 2012); на смотре-конкурсе «Филология, переводоведение, прикладная лингвистика на современном этапе» в рамках Всероссийского Фестиваля Науки (Иркутск: ИрГТУ 2013); на всероссийском фестивале науки (Иркутск: ИРННТУ 2016). Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков №1 для технических специальностей ИРННТУ, кафедры романо-германской филологии ИФИЯМ ИГУ; докладывались на научных семинарах кафедры переводоведения ИФИЯМ ИГУ.

Основные материалы исследования представлены в монографиях «Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия» (Иркутск 2016) и «Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка» (Иркутск 2017). По теме диссертации опубликовано 45 работ общим объемом 53,9 п.л., в том числе 2 монографии объемом 15,5 п.л. и 11, 75 п.л., 27 статей, опубликованных в научных журналах, рекомендованных ВАК (объемом 20,6 п.л.), из них 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК по специальности 10.02.19, 6 статей в рецензируемых изданиях, индексируемых в информационно - аналитических базах Scopus и Web of Science.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы (456 наименований),

списка источников примеров (92 единицы), списка компьютерных программ для анализа текста, 8 приложений (А-З), списка терминов (118 наименований). Содержание работы изложено на 399 страницах, содержит 10 таблиц, 59 рисунков (50 в основном тексте и 9 в приложении). Объем основного текста – 319 страниц.

Во **введении** определяется общее направление исследования, его цель, задачи, предмет, объект, методы и материал исследования, обосновывается актуальность, указывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту. **Первая глава** посвящена теоретическим основаниям разработки когнитивно-коммуникативной параметризации дискурса в русле синергично-силовой концепции на основе динамического подхода к анализу, позволяющему отграничить эпистему власти дискурса путём разработки понятия власти как силы дискурса в координатах технологичного взаимодействия; анализу теорий и концепций, касающихся семиотического, дискурсивного управления эволюцией современного социума и, на этой основе, осуществления моделирования блендового пространства открытого типа как «интеллектуального пространства». Обосновывается и устанавливается типология дискурсивных сил и ее показатели по концептуальному сценарию феноменологии, телеологии и аксиологии; производится анализ эффективности и градуированности сил в моделировании дискурса. **Во второй главе** решаются задачи целостного моделирования ТУН: уточняются концептуальные основания модели, выявляются и обосновываются внутренние параметры ТУН: аттрактивизация, модализация, гармонизация, паттернизация, поликодовость, смысло-ритмические модуляции, тенсивность. Устанавливаются способы их реализации в медийном дискурсе на основе лингвокогнитивных механизмов, дискурсивных стратегий и техник, составляющих инструментарий ТУН. **В третьей главе** рассматривается реализация технологии «Умная настройка» и ее модели в социальном дискурсе (3.1), в политическом дискурсе (3.2), в коммерческом дискурсе (3.3). В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования и определяются перспективы разработки данной темы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Динамический, порождающий, деятельностный подход к дискурсу исходит из положения о когнитивной природе языка [Кубрякова 2004; Степанов 1995; Дейк 1989; Lakoff 1987], согласно которому смысл конструируется в процессе дискурсивизации, позволяя выявить потенциал сил воздействия и взаимодействия в коммуникации и подойти к объяснению проблемы влияния дискурса на коммуникацию с целью управления ею, что особенно важно для изучения медийного пространства – мира общения и пространства конструирования социального [Бергер, Лукман 1995]. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса, представляя собой его настройку в том виде, в котором он включается в оперирование коммуникативным пространством, касается условий, внешних и внутренних факторов, способов настройки, измерений его динамики и качественных характеристик.

С позиции лингвосинергетического подхода, обращение к которому необходимо для раскрытия измерений объектов динамической природы, дискурс как сложная, открытая система разворачивается во времени и пространстве,

представляя собой дискурсивизацию, характеризуется нелинейностью, неустойчивостью, незавершенностью, синергичностью, событийностью, которая вызывает изменения в среде реализации – коммуникативной ситуации. Финализованное движение дискурса в траектории дискурсивизации от интенциональности к дестинации [Плотникова, Серебренникова 2013] реализуется в динамической поливекторной градуированной величине – силе как степени интенсивности власти дискурса в открытом центрированном медийном дискурсивно-коммуникативном пространстве. В этой связи встаёт вопрос о технологичности дискурсообразования по критерию эффективности с учётом энергийного [Гумбольдт 2000], нелинейного, синергетического [Пригожин 1991; Хакен 1980; Князева 1994; Герман 1999] характера языка и его воздействия в феноменологии дискурса на сознание адресата.

Синергично-силовая трактовка когнитивно-коммуникативной параметризации дискурса соответствует востребованной в современном анализе дискурса, метафорически репрезентированной эпистеме *власти дискурса* [Дейк 2013], раскрывающей динамику влияния дискурса на коммуникацию в терминах силы, мощности, контроля, доминации. В этой перспективе анализа необходимым становится уточнение сущности когнитивно-коммуникативных параметров, лингвокогнитивных механизмов и инструментов их реализации, стоящих за дискурсом и содержащихся в самом дискурсе, образующем дискурсивное пространство, порождающего некоторый дискурсивный мир. При исследовании процессов восприятия «вновь стали уделять внимание роли внутренних схем и моделей; все более глубоким становится понимание того, что при восприятии используется не просто совокупность неких схем, а скорее система неизменных правил их порождения [Хомский 2005: 142]. При этом должна быть принята во внимание «некая внутренняя сила восприятия, познания и понимания» в коммуникативном процессе [Гумбольдт 2000]. В этой связи установление параметризации дискурса направлено на моделирование «отсутствующих» [Эко 1998], но имеющихся глубинных структур познания и чувствования и, как следствие, на реконструкцию и моделирование дискурса в его энергийной – конструирующей и мобилизующей на действие силовой сущности в пространстве взаимодействия.

Условием когнитивно-коммуникативной параметризации медийного дискурса является изменение квалификативной характеристики дискурсивно-коммуникативного пространства как интеллектуального и определение достаточной аттрактивности дискурсивной формации. ИП представляет собой ментальное блендовое пространство открытого типа, возникающее в процессе интеракции индивида и медийного дискурсивно-коммуникативного пространства. ИП характеризуется состоянием постоянной включенности человека в информационные потоки и различными проявлениями его модализации. ИП обуславливается способностью «когито» как включенного в дискурсивизацию интеллекта к интерпретации и конструированию видения ситуации в условиях, с одной стороны, когнитивной неопределенности, неполноты знания о ситуации; с другой стороны, опоры на имеющийся опыт и

ориентации на заложенные в самом дискурсе структуры, управляющие осмыслением. ИП конструируется и функционирует «на стыке» информационного, коммуникативного, дискурсивного, аксиологического, семиотического и других ментальных пространств. Оно направлено на когнитивное пространство человека и позволяет эффективно управлять информационным пространством, обработкой информации как её освоения в связи с преконструированными смыслами и целями интерпретатора, опираясь как на рациональное, так и не рациональное в интеллекте как отношению между мозгом и духовной деятельностью человека. Онтология, функционирование и телеология ИП имеет тензивный, целенаправленный характер.

Конструирование интегральных блендовых пространств как средства адаптации знания к мировосприятию адресата, преобразования его в удобный для адресата формат дает представление о роли блендов в когнитивии. Постоянные и динамические изменения ментальных пространств приводят к возникновению нового значения в дискурсе – когнитивного бленда в процессах концептуальной интеграции [Fausconnier, Turner 2006]. Внутри такого блендового пространства особое значение приобретает характеристика «умный»: умная система, умная настройка, умная сила, умный знак, означающая способность выполнять процессы и добиваться результатов относительно автономно, за счёт своей высокой технологичности.

Модель ИП в обобщенном виде имеет следующие характеристики. Данное пространство «умно» настраивается и регулируется дискурсивными силами, где адресат рассматривается как точка завершения дискурса, а сам дискурс рассматривается в динамике постоянного движения и смещения смысла [Выготский 1934: 263]. Сила дискурса заключается в точной, гибкой настройке траектории взаимодействия. Реальное физическое пространство, в котором находятся коммуниканты, обозначается как «1», а коммуниканты как «Я» на рисунке 1.

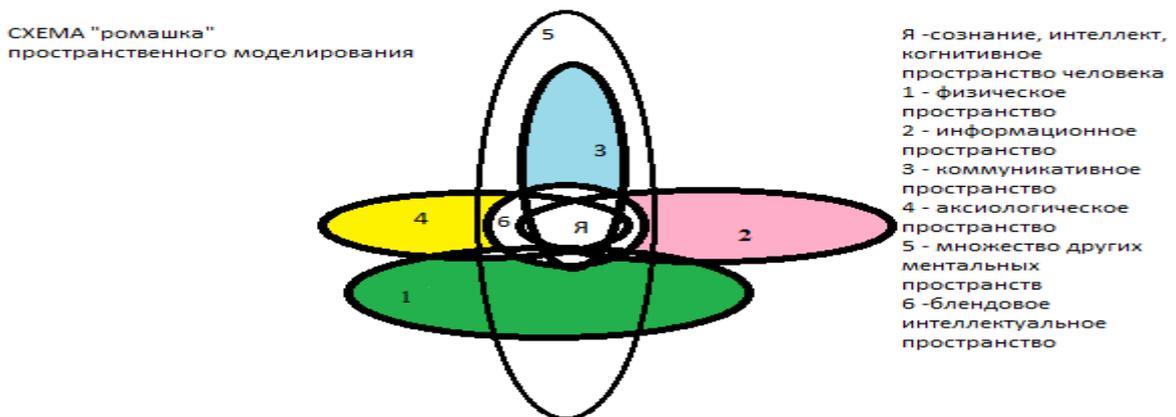

Рис. 1. Интеллектуальное пространство

Цифрами «2,3,4,5» обозначены различные символические ментальные пространства. Они располагаются в любой последовательности, т. к. взаимопроницаемы и взаимопересекаемы по своей природе; «2» – информационное

пространство, «3» – коммуникативное, «4» – аксиологическое, «5» – множество любых других ментальных символических пространств, в которые человек «включен и включается» во время коммуникации, «6» – ИП, которое проявляется во время взаимодействия человека в разных пространствах и совмещает все пространства в одно.

Согласно динамической модели ТУН процесс дискурсивизации происходит по траектории от позиции адресанта к позиции адресата в ИП и имеет следующий вид. Основные четыре транзитных пункта – это адресант, отправляющий сообщение, высказывающий смысл; контекст (хронотоп, пространство и время как историческая социокультурная формация современная адресанту и адресату); адресат, осваивающий сообщение как смысловое послание; и сам смысл сообщения. Дискурс в этом плане приобретает центральную позицию, представляется как «оператор смыслов» [Казыдуб 2006] и, тем самым, «трансформатор» смысла, что возможно при активизации когнитивных систем коммуникантов в ИП, и придает качество интеллектуальности происходящей коммуникации. ИП конституируется разной степенью напряжения дискурса, в котором траекторию дискурсивизации регулируют параметры, основанные на силе взаимодействия между адресантом и адресатом и аксиологических аттракторах. Успешность взаимодействия в нём с точки зрения управления процессами дискурсивизации обеспечивается дискурсивной технологией, которую следует обозначить как «Технология умной настройки дискурса» (ТУН), придающей ему определенную власть (силу и мощь). ТУН позволяет влиять на адресата синергично, воздействуя как на рациональный, так и иррациональный уровень рефлексии, на бессознательное, эмоциональное измерение его когнитивной системы, путём аттракции, возводящей к глубинному ценностному уровню смысло-жизненных концептов адресата.

Важность ценностного измерения дискурсивизации позволяет произвести классификацию параметров ИП посредством аксиометрии. Настраивая аксиологически ориентированную интерпретацию адресата, ДС позволяют адресанту как/или дискурсивному технологу конструировать возможные миры (в терминах Ю.С. Степанова) на основе медийных событий. Понятие *силы* определяется как способность вызвать процессы «катализа» – ускорения или замедления реакций и смысловых трансформаций [Греймас, Фонтань 2007] и выступать в качестве аттрактора в семиозисе; соотносится с градацией, степенью воздействия ЖС, МС и УС в дискурсе. Градуированность воздействующего потенциала различного типа дискурсов в данном ракурсе влияет на проявление *власти дискурса*. В этой связи выделяются: 1. Базовая ТУН, в наибольшей степени отвечающая характеристикам аттрактивности и достижения дестинации – на основе умной силы, сочетающей жесткость и мягкость в реализации дискурсивизации. 2. Варианты ТУН, в которых доминирует ЖС или МС.

В базовой ТУН целью продвижения УС в дискурсе является управление траекторией дискурса для оптимизации коммуникации. УС «продельывает»

за адресата интеллектуальный аргументативный путь концептуализации и оценивания, но поворачивает его в нужном направлении. В качестве отличительных характеристик выявляются аттрактивность, сдвиг смысла сообщений и их оценки, смещение целевых, идентификационных ориентиров адресата, выходящих на эмоционально-аффективный уровень; задействование факторов вне рациональной рефлексии. Концептуальный сценарий задаёт фрейм достижения взаимовыгодного результата, удовлетворения потребностей посредством ценностной переориентации. Пример: *With nationalism now rising on both sides of the Russo-Ukrainian border, Lenin must be turning in his mausoleum. He knew back in 1917 that Russians and Ukrainians were separate peoples, and that the only way forward for the revolution was to recognise the difference. Lenin accepted the formal independence of Ukraine. The challenge that Putin and the Russian elites face today is to accept the country's real independence from its former imperial master. There can be no lasting peace in the region until that occurs* [Plokhy Serhii What should Putin ... URL: <https://www.theguardian.com/>]. Варьирование вербализации аксиологической оценки как посредством модализации *Lenin must be turning; is to accept*; уточняющих, профилирующих смысл прилагательных, например, относительного *the only way*; так и других средств языка в рамках отдельных оценочных суждений, в частности, условных предложений, связанных союзом *until*, вводящим придаточное обстоятельство предложение, позволяют сконструировать ценностно приемлемое отношение адресанта к отображаемому им фрагменту действительности на основе УС. Маркеры оценивания как носители прагматического значения способствуют «сращению» аксиологического и эмоционального отношения к фрагменту действительности. Это усложняет однозначность интерпретации, однако именно при синергии и инференции различных способов дискурсивизации, активизирующих совмещение ментальных пространств когнитивной системы интерпретатора, а именно, когнитивных (отметим пресуппозицию, связанную с *nationalism* и импликатуру на основе эксплицитованного утверждения *with nationalism now rising on both sides*, аксиологических *Russians and Ukrainians were separate peoples*, образно-выразительных *former imperial master*, возникает усиление силового ориентирующего вектора в дискурсивизации. Акцентуация бинарных оппозиций аксиологем, вводящих фрейм размышления и понимания к социальным ценностям / антиценностям «свобода – зависимость» и сокровенным, архетипическим ценностям / антиценностям «родина – чужбина», позволяет управлять дискурсивной траекторией и смещать смысл высказывания, фокусируя внимание на заданных ценностях, рефреймируя ситуацию. Как следствие, ведомый УС дискурса адресат попадает под воздействие адресанта, конструирующего аксиологический сдвиг. Выводное высказывание *There can be no lasting peace in the region until that occurs* позиционируется как единственно правильное и возможное – ценностно приемлемое, аттрактивное для целевого адресата в данной ситуации, объединяющее интерпретаторов (адресанта и адресата) в едином, уже трансформированном дискурсивном мире.

В ТУН с доминацией МС, целью продвижения МС в дискурсе является создание интенсивной положительной аттракции в векторе солидаризации с высказываемой позицией и достижения согласия в коммуникации. В качестве отличительных характеристик выявляются инициация диалогового режима общения, эмпатии, убеждения; способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия в реализуемом дискурсе; формулирование символов «непреодолимой» аксиологической привлекательности. Концептуальный сценарий задаёт фрейм сотрудничества и самопрезентации, конструирования авторитетной позиции. Пример: *Российской армии на территории Донбасса нет. Но там действительно созданы определенные военные милицейские формирования, которые являются самодостаточными и готовы отразить любые крупномасштабные военные акции против Донбасса* [Как менялись... <https://24tv.ua/ru/>]. Эвиденциальный показатель *действительно* маркирует источник информации, подтверждая ее достоверность; предикация носит оценочный характер *готовы отразить*, и согласуется с постулатом о том, что в утвердительном высказывании индикативного наклонения адресант реализует эпистемическое обязательство, выполняя инклюзивную роль наблюдателя и свидетеля. Положительная оценка *являются самодостаточными*; лексический апроксиматор качества *любые крупномасштабные военные акции*; предикат, выражающий знание адресанта о готовности адресата к выполнению действия *готовы*; модальность реальности, выраженная отрицательной частицей, выполняющей функцию предиката *нет* в индикативе, способствуют актуализации МС в субъектно-маркированной интерпретации явлений действительности, отвечающей ожиданиям адресата в расчёте на то, что он станет в конструируемой эмпатии дестинатором сообщения.

В ТУН с доминацией ЖС, целью продвижения ЖС в дискурсе является максимальная степень воздействия на сознание адресата. В качестве отличительных характеристик выявляются интенция на доминирование, которая открыто, рационально, эмоционально и однозначно финализирует дискурс на конструируемые выводы, аксиологически не оставляя возможностей выбора; отсутствие диалогической перспективы дискурса; идеологический характер высказываемой точки зрения. Концептуальный сценарий задаёт фрейм зависимости в реализуемом дискурсе, принуждает адресата к подчинению. Пример: *Украинские политики неоднократно заявляли о том, что необходимо силой захватить Донбасс, а потом украинизировать русское население, проживающее в ЛДНР* [Вернуть территорию... <https://ria.ru/world/20171128/1509712469.html>]. Данное сообщение жестко и однозначно управляет процессом интерпретации, то есть структурирует единственный релевантный способ понимания излагаемой позиции политиков публично адресату. Сообщение представляет собой ассертив о намерениях и планах украинских политиков. Уточняется способ введения данной позиции – предикат *заявляли*, семантически акцентирующий категоричность выражения позиции; при этом ассерция подтверждена, показана в своей однозначности посредством верифицирующей отсылки к референтной ситуации наречием *неоднократно*, выражающим множествен-

ность однотипных действий. Сущность позиции, представленной пропозицией второй части сообщения, не только не учитывает другую сторону *Донбасс, русское население*, но формулирует в знаках военной терминологии *силой захватить, украинизировать* отношение к ситуации, что выявляет стратегию моделирования будущего. Модальный деонтический (предписывающий) оператор *необходимо* служит показателем убежденности субъектов позиции в применении данного способа действия. Благодаря верифицируемости высказываемого, строгой информирующей структуре дискурса, ясно представляющей позицию, понимание реализуется в осознании сценария насилия, «силового захвата, украинизации», в интеграции данного сценария с концептуальной сферой войны и прямой агрессии. Очевидно, что данный дискурс политиков, является аттрактивным для одной стороны – единомышленников, будет воспринят и оценен противоположно противниками данной позиции, усилив аксиологическую поляризацию коммуникативного пространства в целом. Представленная интенция на доминирование, порождающая в дестинации аксиологическую однозначность выводов, позволяют отнести данный пример к жестко-конструируемым дискурсам. Таким образом, ЖС более связана с силой «за дискурсом», в данном случае коммуникативной позицией говорящего.

Данные о типах ДС – жесткой, мягкой и умной сил представлены в таблице 1, в которой показано соотношение типов когнитивно-дискурсивных структур по критерию жесткость-мягкость-гибкость в зависимости от цели продвижения в дискурсе содержательных характеристик, концептуального сценария, транслируемых ценностей, инструментов реализации.

Таблица 1 Типология дискурсивных сил

типы когнитивно-дискурсивных структур	Жесткая сила	Мягкая сила	Умная сила
цель продвижения в дискурсе	максимальная степень воздействия	создание интенсивной положительной аттракции	управление траекторией движения дискурса, оптимизация коммуникативно-дискурсивного процесса
содержательные характеристики	однозначное рациональное, эмоциональное подведение к конечным выводам; нет возможности аксиологического выбора; установка на одно воз-	персуазивно-экспрессивная интенциональность; стимулирование к действию; достижение желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлека-	аттрактивный характер; сдвиг интеллектуального аргументативного пути концептуализации и оценивания; перекодирование индивидуального и общественного сознания; смещение смысла сообщений; моделирование искус-

	<p>можное решение; тиражирование единственно правильной интерпретации и решения, мотивация «кнут-том»</p>	<p>тельности; формулирование символов «непреодолимой» аксиологической привлекательности</p>	<p>ственной альтернативности и бесцензурности; описание нескольких вариантов решения и предложение наилучшего «правильного» решения</p>
<p>концептуальный сценарий</p>	<p>подчинение, конструирование образа власти, могущества</p>	<p>самопрезентация, конструирование авторитетной позиции</p>	<p>достижение взаимовыгодного результата, удовлетворение потребностей, смещение ценностей</p>
<p>транслируемые ценности</p>	<p>доминирование, превосходство, власть, контроль</p>	<p>равенство, поддержка, дружелюбность, взаимопонимание, конформизм</p>	<p>эффективность, сотрудничество, консенсус, свобода выбора, личностное развитие, позитивная идентификация</p>
<p>инструменты реализации</p>	<p><i>ЛКМ:</i> имажинеринг, позиционирование: оппозиция, метафоризация, спин-докторинг, фреймирование, рефреймирование, фокусирование, дефокусирование; <i>дискурсивные стратегии:</i> аксиологический сдвиг, моделирование будущего, создание круга «чужих», фантомной угрозы, демонизация, ссылки на авторитетность, самопрезентация, валоризация, дрейфование понятий, стрессинг, дискредитация, дезинтеграция; <i>тактики:</i> агрессия, прогноз, обвинение,</p>	<p><i>ЛКМ:</i> имажинеринг, позиционирование: единение, метафоризация, инспирация, персонализация, диалогичность, вовлечение в общение, вовлечение в инновационность, вовлечение в динамику, вовлечение в игру, фреймирование, фокусирование; <i>дискурсивные стратегии:</i> аксиологический сдвиг, моделирование будущего, создание патриотичности, мотивация, личная заинтересованность, создание круга «своих», ссылка на авторитетность, побуждение к действиям, самопрезентация, валоризация, фасцинация, дрейфование понятий, оценка, конструирование</p>	<p><i>ЛКМ:</i> имажинеринг, позиционирование, инспирация, метафоризация, персонализация, вовлечение в общение, вовлечение в инновационность, вовлечение в динамику, вовлечение в игру, диалогичность, спин-докторинг, фреймирование, рефреймирование, фокусирование, дефокусирование; <i>дискурсивные стратегии:</i> аксиологический сдвиг, моделирование будущего, моделирование интерактивности, моделирование динамичности, моделирование инновационности, моделирование масштабности, создание патриотичности, семантическая диффамация, личная заинтересованность, создание круга «своих», ссылка на авторитетность, конверсивизация, фасцинация, вуализация, символизация, дрейфование понятий, оценка, са-</p>

	предупреждение, ассерция, директивы, магнификация степени угрозы	нарратива; <i>тактики</i> : привлечения внимания, информирования, интеграция, ассерция, просьбы, обещания	мопрезентация, валоризация, конструирование нарратива; <i>тактики</i> : обратная связь, сплачивание, детализация, прогноз, градация, эффект неожиданности, ассерция
--	--	---	---

Анализ заголовков публицистических статей показывает, что их конструирование преимущественно основано на актуализации УС (60% случаев). ЖС используется в 30% случаях; МС совмещена с УС в 20% случаях. Следовательно, в медийном дискурсе УС получает более широкое распространение, так как позволяет управлять процессом дискурсивизации, эффективнее взаимодействовать с адресатом, аксиологически маркируя коммуникативные ситуации, направляя и фокусируя внимание адресата определенным образом, заранее сконструированным; смещая / замещая / подменяя смысл сообщения; рефреймируя ситуацию неопределенности, предлагая пути выхода из нее, выгодные адресанту.

Выделение ДС и их комбинаторики позволяет уточнить сущность ТУН в плане достижения эффективности дискурса в ИП. ТУН определяется как когнитивно-коммуникативная технология, которая приближается к оптимальному способу доминанции и конструирует событийность посредством синергии УС, МС, ЖС, аттракторов и параметров, направленных на достижение эффективности дискурса в ИП. ТУН порождается отношением аттракции к референтным зонам медиатизации, т.е. ситуациям реального мира и другим дискурсивным позициям, имеющим характер когнитивной неопределенности, порождающей переживание интереса, риска, вызова. При этом эффективность управления дискурсом определяется соответствием настройки его дискурсивизации квалификативной оценке «умная».

В динамике реализации ТУН являет собой комплекс *умных* дискурсивных средств, которые действуют за счет создания, наладки и использования аттрактивных смыслов, аттрактивности сообщений. Определение «умный» в сочетании с существительным «настройка» подразумевает доминирование УС в параметризации эффективной коммуникации, которая, синергично трансформируя ресурсы и стратегии МС и ЖС, управляет дискурсом. Именно синергичный характер сил и параметров ТУН позволяет достичь большей эффективности дискурса, чем их использование по отдельности. Установленные параметры систематизируются по двум показателям: 1) по принадлежности к факторам, задействованным до момента реализации дискурса или в ходе дискурсивизации: внешние и внутренние параметры, выводным синергичным потенциалом которых является сила дискурса; 2) по характеру силы дискурса: УС, МС, ЖС.

Внешние параметры ТУН, отражающие *власть, стоящую «за дискурсом»*, зависят от сознательной, целенаправленной стратегической деятельности адресанта, влияют на адресата – интерпретатора в восприятии и осмыслении,

ориентируют его интерпретативные когнитивные процессы в нужном направлении конструирования понимания, приятия точки зрения, видения мира. В ряду внешних параметров дискурса выделяются: *аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, горизонт ожиданий адресата, режим коммуникации.*

Внутренние параметры ТУН, отражающие *власть, исходящую от самой дискурсивизации*, придают силу дискурсивной позиции, то есть силу продвигаемой точки зрения, которая конструирует дискурс в ИП. Такие параметры ТУН влияют на адресата синергично, во взаимодействии, совмещенности, в согласии или вне его рациональной рефлексии, воздействуют на глубинное ценностное, эмоциональное измерение его когнитивной системы, а также на бессознательное, выходящее на уровень ценностных смысло-жизненных концептов адресата. В модели ТУН выделяются следующие внутренние параметры: *аттрактивизация, гармонизация, паттернизация, смысло-ритмические модуляции, модализация, поликодовость, тенсивность.* Синергичность как связующий элемент, когнитивная скрепа, усиливает потенциал выявленных параметров и их инструментов, способствуя эффективности коммуникации. Важно отметить, что данные параметры не имеют пространственной или временной хронологии, а могут использоваться как одновременно, так и последовательно в разных комбинациях и отношениях. Установленные параметры позволяют произвести дискурсивную диагностику силы как интегрального показателя эффективности дискурсов, признанных в качестве достаточно эффективных, с точки зрения ТУН.

При анализе параметра *аттрактивизации* выявлено, что данный параметр позволяет притягивать и перенаправлять внимание адресата, активизируя его интеллект, когнитивную систему. Аттрактивизация дискурса объясняет устойчивую интенсификацию перцепции адресата в коммуникативном процессе при учете динамичности дискурса и потенциала управления дискурсивной траекторией. В ряду дискурсивных инструментов, потенциалом аттракции обладают ЛКМ позиционирования в подвидах оппозиция и единение, рефреймирования, стратегии дискредитации оппонента, положительной самопрезентации, создания «круга своих и чужих», аксиологического сдвига, что показано в анализе рекламного видеоролика. Аттрактивность может создаваться за счет акцентированной контрастной семиотики цвета, смещения смысла, игры со смыслом, аксиологического сдвига, иронии, театрализации ситуации [<https://youtu.be/CP9xDKtPZow>]. Пример:

Егор: *Хватит висеть у меня на шее. Я ухожу от тебя.*

Другой Интернет: *К кому?*

Провайдер «Билайн»: *Ко мне! То есть к нам.*

Другой Интернет восклицает: *Я дорога ему!*

Провайдер «Билайн»: *Даже слишком!*

Другой Интернет: *Но я подарила ему звезду!*

Провайдер «Билайн»: *А мы подарим ему целый месяц! Пошли, Егор!*

Другой Интернет: *Таких как ты – миллионы!*

Провайдер «Билайн»: *Вот именно!*
 Билайн. Просто. Удобно. Для тебя!

Линейная модель инструментов, создающих аттрактивность данного примера, дана на рисунке 2:

механизм позиционирования: оппозиция > механизм позиционирования: единение > стратегия создания круга «своих» и «чужих» > стратегия создания положительного образа супергероя Билайн и отрицательного образа барышни > механизм позиционирования: единение > стратегия аксиологического сдвига > механизм рефреймирования > механизм дефокусирования > смещение смысла > игра слов > игра со смыслом > стратегия аксиологического сдвига

Рис. 2. Модель аттрактивности рекламного ролика «Месяц в подарок»

Аттракторами данного примера являются: игровой комедийный способ реализации сообщения; оппозитивная структура: контрастно очерчиваемые роли супергероя и глуповатой барышни; ирония; акцентированная контрастная семиотика цвета: желтый и черный VS розовый; прототипическая (архетипическая) оппозиция «Кавалер-Барышня», актуализирующаяся в нарративе жизненных ситуаций «отношения» и «смены партнера»; эффект неожиданности. Выявленные аттракторы, логично организуя нарратив текста, посредством УС выводят на искомый «истинностный», возводимый к ценностным ориентирам аттрактор в виде дискурсивной формулы: рекламного слогана *Билайн. Просто. Удобно. Для тебя!* Данный слоган лаконично и односложно повторяет последовательность выводов ролика о простоте и удобстве услуг провайдера сотовой связи, который заботится о своих клиентах, предлагая более выгодные тарифы. Таким образом, аттракторы призваны активировать такие когнитивные процессы как сопереживание, ассоциацию, сравнение, узнавание, угадывание, домысливание, симпатию и антипатию, эстетическое чувство, чувство удовольствия от общения с комическим, эффект новизны, создавая в своей совокупности синергию воздействия при восприятии и интериоризации осмысляемого.

Тенсивность выражает интеллектуальную напряженность – интерпретативное состояние адресата и адресанта [Греймас, Фонтаньей 2007], которая отражает состояние «системы» (коммуникации и дискурса) во времени ее динамического развертывания, связана с аксиологичностью и синергией происходящих процессов. При анализе параметра *тенсивности*, выявлено, что воздействующий потенциал тенсивности достигается за счет концентрированного использования персуазивных инструментов, способствующих образности, выразительности, модализации в репрезентации смыслов, представляющих убеждения адресанта. Тенсивность рассматривается как феномен одновременно интеллектуально-духовного напряжения субъектов коммуникативного семиотического взаимодействия и «натяжения» смыслообразования в дискурсе, связанного с аттрактивностью знака, его силой воздействия.

Тенсивность создается посредством персуазивных инструментов в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm]. Полагаем возможным привлечь к анализу медийного дискурса русскоязычный перевод манифеста, так как данное произведение К. Маркса относится к числу текстов особо значимых и востребованных в политической практике как с момента своего опубликования, на немецком языке, так и в последующее время, будучи представленным в современном медийном пространстве в том числе в переводах на другие языки. Пример: *Призрак бродит по Европе - призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.* ЛКМ имажинеринга в подвиде гиперболизации актуализируется в тексте посредством олицетворения *призрак коммунизма бродит*, религиозной метафоризации *все силы старой Европы объединились для священной травли*. Двойной повтор лексемы *призрак* способствует профилированию смысла и аттракции, необычное сочетание *призрак коммунизма* – удивляет и привлекает внимание, вовлекая в дальнейшее чтение, заинтересовывая читателя. Ассерция в начальной позиции пресуппозитивно вводит идею всеобщности и единения, создавая интенсифицирующий контекст мифологизации: *Все силы старой Европы объединились*, реализуясь посредством стратегии мобилизации для изменения существующего положения дел. Драматизация события достигается образностью и экспрессивностью выражения. Дополнительное воздействие достигается с помощью ЛКМ позиционирования в подвиде оппозиции, производящего разделение на «своих» и «чужих»: *объединились для священной травли этого призрака.*

Суть параметра *смысло-ритмических модуляций* заключается в чередовании процессов автоматизации и деавтоматизации (по Ю. Лотману), постоянно изменяющихся смыслов для привлечения и удержания внимания. Учет периодичности восприятия, когнитивных законов человеческой психики позволяет более точно, латентно воздействовать на нужные слои психики в нужный момент, часто бессознательно, обходя психологические барьеры. В смысло-ритмической модели выделены три компонента (сдвига): подъем, спад и промежутки между ними, которые влияют на повышение или снижение восприятия адресатом дискурса, оказывают сенсорное воздействие на когнитивную систему и определяют дальнейшее поведение адресата. *Смысло-ритмический «подъем»* представляет собой концентрацию языковых средств, стилистических приемов и стратегий для интенсификации эмоционально-образного или логическо-рационального воздействия на адресата, направленных на активизацию внимания и интенсификацию эмоций. *Смысло-ритмический «спад»* направлен на смену тональности повествования, используется для чередования важной и второстепенной информации, с целью усиления ключевых идей. Спад характеризуется наличием нарратива, описания или объяснения в паттерне, которые способствуют приятию информации в обход психологическим барьерам, не возбуждая вопросов или сопротивления. Спад создает особый психологический настрой или даже гипнотический

эффект согласия. На рисунке 3 представлена динамика спадов и подъемов смысло-ритмической модели манифеста, которая способствует дифференциации степени смыслового давления при воздействии на адресата.

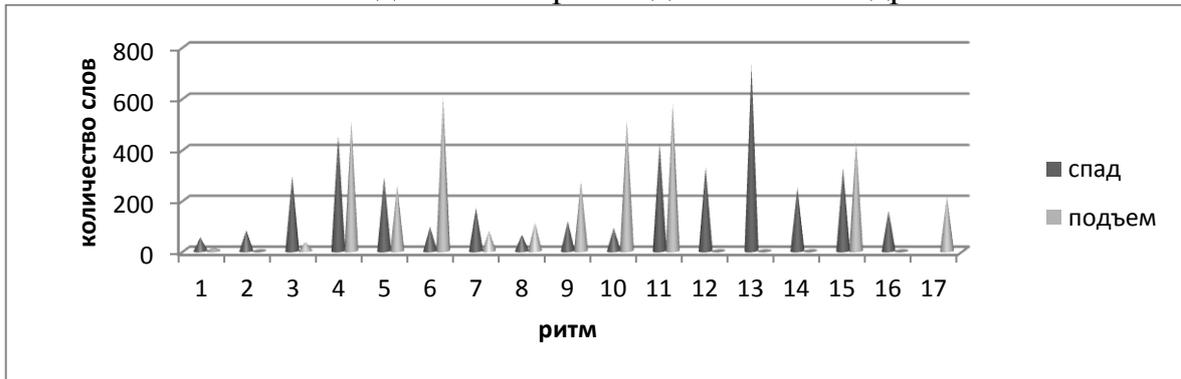

Рис. 3. Смысло-ритмическая модель манифеста

Данный рисунок отражает ритмичность смысла для управления вниманием и градуированного конструирования нужного настроения и отношения к проблеме. Внешне форма смысло-ритмических модуляций с чередованием спадов и подъемов похожа на волну, что основано на волновой природе языка (напр. труды П. Гаряева, М. Волошина и др.) и смене процессов автоматизации и деавтоматизации.

Манифест начинается с короткого подъема (28 слов), выраженного метафоричным олицетворением для привлечения внимания: *Призрак бродит по Европе - призрак коммунизма*. Далее следует спад как сконструированный экскурс в историю (53 слова), что способствует психологическому успокоению и снижению отторжения. Вначале чередования спадов и подъемов состоят из малого количества слов, но потом становятся все продолжительнее, подъем достигает своего максимума в № 6 (604 слова), а затем в №№12-14 выявлены три спада подряд. Следовательно, это указывает на гипнотическую функцию спадов и расслабление сознания адресата для внедрения дальнейшей значимой информации. Манифест заканчивается подъемом, актуализирующий ЛКМ инспирации в форме призыва, что способствует лучшему запоминанию и может служить руководством к действию. Пример: *Пусть господствующие классы содрожатся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!*

Активизация параметра *модализации* дискурса стимулирует относиться к объекту дискурса с определенной идеологической позиции, эмоционально настраивая на определенное восприятие, фокусируя взгляд на мир, формирует ценностное содержание, определяет смысл сообщения, отправленного адресату. Инструменты модализации позволяют управлять аксиологической ориентацией адресата, воздействуя на ценности через конструирование положительной или отрицательной оценки. Конверсивизация позволяет расставить оценочные ударения, представить противоположную интерпретацию события, косвенно уточнив, кто «свои», а кто «чужие»; дает представление о

предпочтениях адресанта, проясняет его отношение к содержанию высказывания. Рефреймирование ситуации происходит при задействовании ЛКМ позиционирования, в котором оппозиция устанавливается по принципу: мы хорошие, они плохие. Акценты технологично расставляются, адресату не предлагается выбора точки зрения на событие, а навязывается следовать за адресантом, принимая готовые решения, что раскрывает действие ЖС. Среди частотных инструментов модализации выделяются: эмоционально-оценочная лексика с экспрессивной коннотацией, конверсивы, дисфемизмы, усилительные и выделительные частицы, пояснительные и вводные слова, слова в переносном или метафорическом значении, образные выражения, модальные глаголы, конструкции пропозициональной установки, вводно-модальные выражения, хеджи, логическое ударение, пресуппозиции и инференция.

Пример: *"The Washington Post", USA: Before there is any further discussion of Malaysia Airlines Flight 17, it's important that one point be made absolutely clear: This plane crash is a result of the Russian invasion of eastern Ukraine, an operation deliberately designed to create legal, political and military chaos. Without this chaos, a surface-to-air missile would not have been fired at a passenger plane. If it has done nothing else, the crash of Flight 17 has just put an end to the "it's not a real war" fairy tale, both for the Russians and for the West. Tragically, this unconventional non-war war just killed 298 people, mostly Europeans. We can't pretend it isn't happening any longer or that it doesn't affect anyone outside of Donetsk. The Russians can't pretend either* [<https://www.washingtonpost.com/opinions/anne-applebaum-the-end-of-the-russian-fairytale/2014/07/18/>]. Использование модальных глаголов *would not have been fired, can't pretend*, конструкций пропозициональной установки *This plane crash is a result of the Russian invasion of eastern Ukraine*, вводно-модальных выражений *it's important that one point be made absolutely clear*, эмоционально-оценочной лексики с экспрессивно-негативной коннотацией *an operation deliberately designed*, конверсивов *this chaos, this unconventional non-war war*, дисфемизмов *it's not a real war* и других маркеров субъективно-оценочных состояний и отношений, создает эмоционально нагруженный текст, настраивает адресата на определенное видение ситуации с позиции обвинения России в произошедшей трагедии, не дожидаясь официальных результатов экспертизы комиссии. Так, пресуппозиция «вторжение» настраивает потенциального адресата на принятие акта вторжения как факта, который был сконструирован адресантом и не соответствует реальному положению дел: *a result of the Russian invasion of eastern Ukraine*. В этом же предложении далее идет фрагмент, который является субъективным предположением, но логически и грамматически выстроен так, что не критически мыслящий адресат может воспринять как реальное последствие действий России по отношению к Украине, что тоже не соответствует действительности: *to create legal, political and military chaos*. В основе данного высказывания лежит ЛКМ имажинеринга в подвиде драматизация, способствующий созданию отрицательного имиджа, нагнетанию негативных эмоций по отношению к какому-либо факту, событию, человеку, коллективу, государству, народу и т.д. Использование сослагательного наклонения невыполненного

условия в прошлом: *Without this chaos ...would not have been fired...* вводит лексему «chaos» в пресуппозицию и дополнительно негативно интенсифицирует отношение адресанта к действию объекта. ЛКМ позиционирования в подвиде единения используется для присоединения читателей к мнению журналистов, чтобы вывести пресуппозицию на место интенции высказывания, сместить акцент и уверить читателя, что он также подвергается опасности: *We can't pretend it isn't happening any longer or that it doesn't affect anyone outside of Donetsk*. Такая модальная нагрузка, обилие различных лексико-грамматических и синтаксических средств в одном абзаце является манипулятивным приемом, способствует потере рационального контроля над информационным потоком не критически мыслящего адресата, переориентирует его видение ситуации, заставляет поверить в конструируемый сценарий конфликта, рефреймирует отношение к событию.

Паттернизация как параметр ТУН регулируема и может меняться – ослабляться или усиливаться по ходу высказывания для обеспечения лучшей встраиваемости дискурса в сознание адресата посредством разделения дискурса на определенные дискурсивно-смысловые паттерны. *Паттерн дискурса* понимается как когнитивный шаблон, стереотипизирующий мышление, имеющий выражение в дискурсе. Произведенная паттернизация речи М.Л. Кинга «I have a dream» [https://www.youtube.com/watch?v=HRIF4_WzU1w] показывает, что для лучшего проникновения и встраиваемости паттернов значимы ЛКМ имажинеринга, инспирации и единения. Четкий ритм его речи способствует более полному усвоению информации, а размеренный темп вызывает практически гипнотический эффект. Установив отношение с адресатом посредством подстройки под дыхание благодаря четкой ритмизации речи, оратор почувствовал ответную реакцию в виде аплодисментов и возгласов одобрения и наладил обратную связь, что является элементом УС. Конструирование логической последовательности паттернов способствует более точному структурированию успешных коммуникативных моделей, что дает возможность управлять дискурсом и вести адресата к заданной цели.

Самый длинный 12-й паттерн «Представление плана действий, завуалированных в мечту» состоит из 289 слов и находится в зоне золотого сечения. Он выполняет функцию ритмического спада, так как не требует от адресата сосредоточения, не содержит призывов, вопросов или директивных указаний, не стимулирует к действиям. Он демонстрирует мечтания оратора, который описывая свою мечту, инкорпорирует свое отношение к расовой проблеме и модализирует паттерн как желаемое будущее, посредством стратегии моделирования будущего. Считается, что это начало второй части речи и кульминация всего выступления Кинга. Деконструкция этого паттерна, описывающего «мечту Кинга», выявляет цепь запланированных действий, завуалированных внешне в форму мечты, чтобы смягчить его политические требования. Помимо 9-кратного рефрена *I have a dream*, аллюзий на Конституцию США – *all men are created equal*, аллюзий на Ветхий и Новый Заветы – *sisters and brothers; every valley shall be engulfed, every hill shall be exalted and every mountain*

shall be made low, the rough places will be made plains and the crooked places will be made straight and the glory of the Lord shall be revealed and all flesh shall see it together, этот паттерн насыщен многочисленными эпитетами, метафорами, метонимией, сравнениями: *the American dream; the table of brotherhood; an oasis of freedom and justice; with its vicious racists; ...with its governor having his lips dripping with the words of "interposition" and "nullification"; little black boys and black girls will be able to join hands with little white boys and white girls as sisters and brothers*. Все эти приемы актуализируют ЛКМ имажинеринга и воздействуют на эмоциональное состояние адресата, чтобы дальнейшие, завуалированные модализацией возможности, пламенные призывы, опять четырежды повторенные, оказали необходимое действие и нашли отклик у адресата.

Параметр *гармонизации* способен усилить проникающую способность заложенных в сообщение дискурсивных паттернов, оказать суггестивное воздействие на сознание и поведение адресата посредством гармоничного структурирования дискурса по пропорции золотого сечения (напр. труды В.И. Вернадского, Л.да Винчи, И. Кеплера). Представление смысло-ритмического рисунка с уточнением расположения смыслового давления в смысловой структуре конкретного дискурса позволяет сделать вывод о его гармоничном или дисгармоничном структурировании. Так, паттернизация и смысло-ритмический рисунок декларации независимости США [http://www.archives.gov/exhibits/charters/declaration_transcript.html] выявили пик смыслового давления в зоне аттрактивности в 5/8 части документа, называемой золотым сечением, как показано на рисунке 4. Такая структура декларации указывает на гармоничную организацию документа.

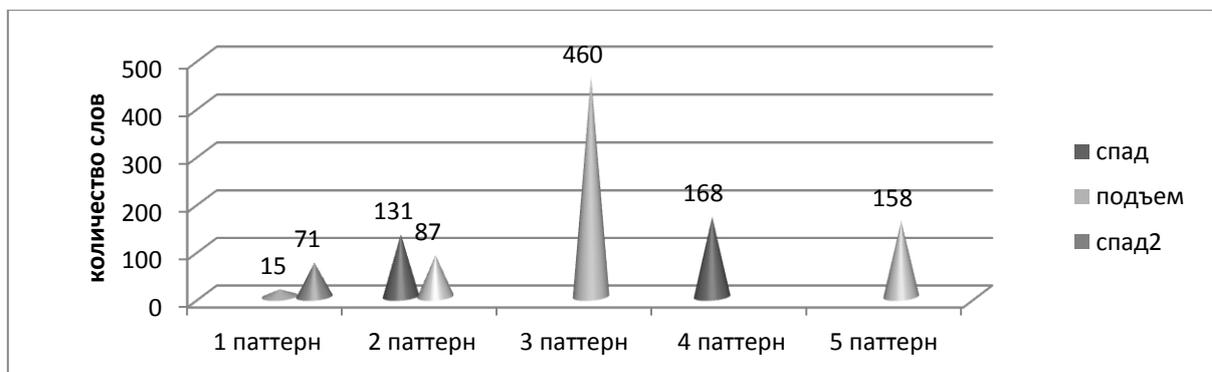

Рис. 4. Гармоничная организация декларации независимости США

Первый паттерн декларации начинается со смысло-ритмического подъема в названии, который переходит в спад, абстрагируя адресата от реальности, уводя в философские размышления. Пример: *When in the Course of human events, it becomes necessary for one people to dissolve the political bands which have connected them with another, and to assume among the powers of the earth, the separate and equal station to which the Laws of Nature and of Nature's God entitle them, a decent respect to the opinions of mankind requires that they should declare the causes which impel them to the separation*. Второй паттерн состоит из спада и подъема, при этом подъем меньше спада на треть, как бы

подготавливая адресата к важной информации, которая излагается в следующем паттерне. Третий, центральный паттерн, самый большой по объему, состоит из последовательности 18 подъемов, пик которых тоже приходится на 5/8 часть всего паттерна в зоне золотого сечения. Четвертый и пятый паттерны примерно равны, хотя они противоположно модулированы ритмом: четвертый является спадом, а пятый – подъемом. Полученные результаты позволяют предположить, что максимальная эффективность дискурса может быть достигнута, в том числе посредством создания гармоничного дискурса, в котором моделируется смысло-ритмический рисунок с пиком тенсивности в 5/8 части текста.

Параметр *поликодности* способствует усилению интегрального потенциала разных семиотических кодов, например, вербального, визуального, акустического, воздействующих на разные каналы восприятия посредством нескольких кодовых систем, в результате чего создается «стереофонический» эффект присутствия и вовлеченности [Садуов 2011]. Поликодирование сообщения интенсифицирует не только эстетическую функцию сообщения, но и может увеличить его информационную значимость и повлиять на отношение адресата к сообщению. Данные о взаимодействии кодов могут использоваться для конструирования технологичного дискурса: активация правильно подобранных инструментов в семиотических кодах способствует успешной коммуникации и управлению дискурсом. Сочетание акустического (музыкального и аудиального), вербального (устного и письменного) и изобразительно-визуального кодов при восприятии гимнов способствует более глубокому проникновению в сознание адресата сразу по четырем каналам, что усиливает воздействующий эффект закодированного мнения или оценки адресанта. В поликодовом представлении гимна США [https://www.youtube.com/watch?v=_QTOZGP-rr0] наибольшую значимость приобрели ЛКМ имажинеринга в подвидах драматизации и гиперболизации, позиционирования в подвиде оппозиции, диалогичности, которые регулируется УС и ЖС. Активизация ЛКМ имажинеринга в вербальном коде происходит посредством задействования образного мышления. Пример: *the Heaven-rescued land; the rocket's red glare; the bombs bursting in air; In full glory reflected now shines in the stream: 'Tis the Star-Spangled Banner! O long may it wave; Their blood has washed out their foul footsteps' pollution.* Аттракторами гимна выявлены символизм флага, концепты защиты своей земли и свободы: эмоциональное и образное описание важного события в жизни американцев воодушевляет на защиту своей страны как «земли свободных и дома храбрых». Каждый из четырех куплетов данного гимна заканчивается строками *O'er the land of the free, and the home of the brave*, что становится не просто кольцевым повтором, но и смысловым, способствуя внедрению идеи важности выработки качеств свободолюбия и храбрости у жителей США для защиты родины. Такое взаимодействие с адресатом посредством УС вводит пресуппозицию, что все американцы свободны и смелы, что является манипулятивным приемом.

Интерференция инструментов графического (письменного вербального), аудиального (устного вербального), визуального, музыкального кодов в гимне США способствует созданию синергетического эффекта для достижения большей эффективности. Так, вербальный код обладает жесткой интенциональностью, направленной на идею победы любой ценой, регулируется ЖС, однако аудиальный код женского голоса смягчает жесткость, преобразует ее, добавляя мягкости, действуя посредством МС. Фокусирование внимания на флаге, его описание на протяжении четырех куплетов интерпретируется как значимость материальных символов для американской нации, бескомпромиссность. Восхваление действий американцев, их преимуществ по сравнению с другими указывает на УС. Визуальный код вносит новые смыслы в произведение посредством стратегии самопрезентации, основанной на ценностях свободы, военного могущества страны и многообразии знаменательных событий и культурно-исторических символов. Фокусирование внимания адресата на предложенный визуальный ряд позволяет смещать акценты, жестко управляя траекторией дискурсивизации. Музыкальный код американского гимна обладает слабой выразительностью, лишен торжественности присущей гимнам. Отсутствие аттрактивного начала, резкие перемены тембра, переход мажора в минор, слабость торжественных мотивов и скудность звукового оформления не только редуцируют пенетрационную способность гимна, но и его смысловое давление, направленное на вовлечение адресата в предлагаемый дискурс. Следовательно, он оказывает минимальное воздействие на адресата, при этом не лишен жесткости, так как основан на маршевой милитаристской мелодии, интенционально направленной на доминирование и контроль. В музыкальном коде не выявлено инструментов, совпадающих с инструментами других кодов, поэтому в модели он представлен обособленно. Модель взаимодействия инструментов ТУН, активизирующихся при полимодальном восприятии гимна США, дана на рисунке 5.

Рис.5. Модель взаимодействия инструментов ТУН, активизирующихся при полимодальном восприятии гимна США

Анализ корпуса эмпирического материала показывает, что инструменты ТУН не действуют изолированно, но только в процессе их синергии создается аттрактивность необходимой силы и достигается эффективность дискурса. Следовательно, технологично сконструированный дискурс, основанный на вышеперечисленных параметрах, способен направлять внимание адресата и управлять им для достижения дестинаторности дискурсивизации, что явно прослеживается в анализе различных видов медийного дискурса.

В **медийном социальном дискурсе** реализация ТУН рассматривается посредством анализа конструирования и интерпретации событий, демотиваторов, лозунгов и слоганов, выявляющих доминацию инструментов рефреймирования, спин-докторинга, инспирации, вовлечения в игру. Конструирование дискурса конфликта происходит посредством ЛКМ рефреймирования, который реализуется на основе намеренного соскальзывания с одного фрейма на другой, усиливается противоположными конверсивами для дополнительной драматизации сценариев, относящихся к различным функциональным сферам общества. Мишенью речевого воздействия становится эмоциональное мышление, т.к. процесс интерпретации ситуации происходит на фоне интенсивных переживаний эмоционального характера. Создание семиотических спорных совпадений, надуманных каузальных связей, ощущения угрозы посредством указания на риск неожиданного нападения, использование приема иронии придает высказыванию дополнительную персуазивную силу для воздействия на эмоциональное мышление. Пример: *Посмотрите, что произошло и подумайте, что бы это значило. На двух белых голубей мира напал черный ворон и белая чайка. Символично. А может – знамение свыше?* [<http://topwar.ru/print:page,1,40276-smert-mozga.html>]. Директивные конструкции имплицитно направляют мысль в заданном адресатом направлении, фокусируя внимание на символизме действий. Семиотика знаков голубей, ворона и чайки отражает отношение к резонансному медиа-событию, которое эмоционально затрагивает внутреннюю потребность в безопасности и отрицание войны. Автор не называет объекты прямо, а использует импликатуры и эвфемизмы, что дает возможность выразить имплицитно свои предположения. Пример: *Знак, что мира не будет. Не долетели голуби до светлых небесных высот. Напали на них агрессивные праворадикальные стервятники, несущие не мир, а насилие. Бог отвернулся от нас. Молитесь, хотя уже поздно* [http://censor.net.ua/video_news/268309/papa_rimskiyi_molilsya_za_ukrainu_v_rime_na_vypusc_hennyh_golubeyi_mira_napal_voron_video]. Приемы установления причинно-следственных связей, проведение аналогии между событиями и объектами используются для внедрения адресантом нужных ему смыслов в соответствии с его персуазивной интенцией.

Экскламативность и личная дейктичность высказывания способствуют персональной адресации к публичному адресату, что создает иллюзию прямого общения, доверия и повышает статус сообщения. Использование пресуппозиций позволяет незаметно сместить смысл утверждения, оставив в фоновых знаниях заданное предположение, фокусируя внимание на новой информации как уже известной или доказанной посредством ЛКМ спин-

докторинга, что прослеживается на примере лозунга, подчеркивающего верность стране с прежними границами. Текст расположен по центру украинского флага и выделен заглавными буквами с целью привлечения внимания и увеличения значимости высказывания. Экспрессивность восклицания усиливается тремя восклицательными знаками: *Я СТАВЛЮ КЛАСС И ПОДТВЕРЖДАЮ, ЧТО ЯВЛЯЮСЬ СТОРОННИКОМ ЕДИНОЙ УКРАИНЫ! Я ВЫРАЖАЮ СВОЙ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ОККУПАЦИИ И АННЕКСИИ КРЫМА РОССИЕЙ!!!* Принимая во внимание экстралингвистические факторы, окружающие событие отсоединения Крыма от Украины (2014 г.), имплицитно подразумевается смысл неприятия результата политического процесса, закономерно получившего негативную оценку Запада и официальной власти Украины, которые высказались категорически против такого действия, признав его нелегитимным. Употребление лексических единиц с отрицательной коннотацией *оккупация* и *аннексия* способствует интенсификации убедительности высказывания, что позволяет ввести в текст эти понятия как данность, без рационально-логического объяснения, то есть посредством УС поток мыслей направляется в заданном негативном направлении.

Действие ТУН в выступлении лица, занимающего авторитетную коммуникативную позицию, основано на доминировании ЛКМ инспирации, актуализируется в призывах и напутствиях, технологично сконструированных в персонализированный нарратив, что указывает на реализацию УС и позволяет добиться глубинного воздействия на адресата и в тоже время создать эффективное взаимодействие, взаимопольное и взаимоприятное. Метафоризация дискурса способствует интеграции концептуальных областей в когнитивной системе коммуникантов, осмыслению темы в концептуальной области более значимого и сущностного, созданию необходимых образов, усиливающих воздействующий потенциал. Ст. Джобс в выступлении перед выпускниками Стенфорда призвал их осуществлять свои мечты и видеть в жизненных неудачах возможности, описав взаимосвязь трех историй в своей жизни про рождение, любовь и смерть [<http://news.stanford.edu/2005/06/14/jobs-061505/>]. Он считал, что надо идти вперед к своей мечте не смотря ни на что, веря, что в будущем все звенья цепи (точки) под названием «жизнь» каким-то образом соединятся в одну цепь. Пример: *You can't connect the dots looking forward; you can only connect them looking backward. So you have to trust that the dots will somehow connect in your future. You have to trust in something - your gut, destiny, life, karma, whatever. This approach has never let me down, and it has made all the difference in my life.* Метафорическое представление пути как соединение точек *connecting the dots* для воплощения мечты актуализирует образное мышление, стимулируя математическое представление жизни как траектории, сконструированной из множества соединенных точек, которые подразумевают интуитивно принятые решения. Данная метафорическая конструкция повторяется шесть раз на протяжении первого рассказа Джобса, что, возможно, отражает его линейное представление о жизни как о кривой, соединенной точками, где каждое решение, которое кажется бессмысленным и бесперспективным сначала, становится важным в будущем для достижения цели. Данная история, основанная на личном опыте

те, показывающая значимость интуиции, актуализирует ЛКМ инспирации, вдохновляя людей заниматься любимым делом.

Соотношение использования МС, ЖС и УС в социальном дискурсе показывает, что вариант ТУН с доминанцией УС превалирует при активации эпидейктических инструментов и инструментов, управляющих вниманием. В ряду распространенных инструментов ТУН выявляются также ЛКМ имажинеринга, позиционирования, персонализации, метафоризации, стратегии привлекательности новизны, аксиологического сдвига, моделирования будущего, дискредитации.

Параметризация **политического медийного дискурса** реализуется посредством действия ЖС и УС с доминанцией ЛКМ фокусирования, диалогичности, имажинеринга, позиционирования в подвиде единения. Проявление явной агональности в политическом дискурсе указывает на доминирование ЖС. Аппелируемость политических выступлений определяется тем, что они состоят из значимых и актуальных идей для адресата. Когда политик высказывает свою идеологическую позицию и старается убедить адресата, переориентировать его отношение к проблеме, то он воздействует на его ценностные воззрения, значительно усиливая модализацию дискурса.

Так, аппелируемость предвыборных политических выступлений Д. Трампа (2016 г.) определяется тем, что в них высказываются смыслы желаемого, должного и необходимого для современного американского адресата. Трамп ведет адресата за собой, вовлекает его в конструирование будущего, визуализируя желаемые события, фокусирует внимание на значимых идеях, актуализируя стратегию моделирования будущего. Пример: *I want to offer Americans a new future. Are you ready for change? I know we can make American Greater Than Ever Before. To do this, we are going to need a fighter in the White House. I will be your fighter. I'm with you, I will fight for you, and I will win for you* [<http://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095>]. Трамп сначала предлагает решиться на перемены, далее показывает возможные способы решения проблем, уточнив, что все проблемы он может решить сам, что указывает на действие УС.

В политическом дискурсе Ш.де Голля превалируют ЛКМ диалогичности, стратегии конструирования дискурса вокруг концепта-аксиологемы патриотичности, установления персональной ответственности и валоризации, которые способны выражать как УС, так ЖС и МС дискурса в разных ситуациях [<http://archives.charles-de-gaulle.org/pages/lhomme/accueil/discours/discours-au-monde-1958-1969.php>]. Благодаря синергичному эффекту, действенность ЛКМ усиливается, что повышает эффективность коммуникации. Варьирование инструментов УС, МС и ЖС, при сохранении ведущей роли УС, придает высокую степень аппелируемости политическому дискурсу Ш.де Голля. Частотность употребления местоимений 1л. мн.ч. – инклюзивного *nous* указывает на активацию ЛКМ позиционирования в подвиде единения на основе персонализации высказывания, что призвано вызвать чувство объединения, ощущение принадлежности к одному «мы-лагерю». При этом построение речи от лица коллектива придает авторитетность высказыванию, вводится пресуппозиция

косвенного согласия адресата с адресантом. Декодирование инклюзивного местоимения в данной эпидейктической функции постоянно сдвигается: «мы – это я и армия», «мы – это я и патриоты Франции», «мы – это я и французский народ», «мы – это я и союзники, сочувствующие Франции», что репрезентируется семантической контекстуализацией имплицатур и пресуппозиций. Примеры: *Pas un seul jour nous n'avons cessé de marcher vers le but que nous a fixé le devoir: faire rentrer dans la guerre l'Empire et la France, pour libérer la patrie et contribuer à sauver la liberté du monde; Surtout, nous avons ranimé l'esprit de résistance de la France et rassemblé les espoirs d'une immense majorité nationale; Par-dessus tout, nous resterons fidèles à la France, à son honneur, à sa grandeur, à sa destinée; La France, avec nous!* [Londres, 18 juin 1941].

В выступлении В.В. Жириновского [http://ldpr.ru/#events/videos/LDPR_always_in_the_centerreport_Zhirinovskiy_s_LDPR_Congress_XXVI] самыми распространенным являются ЛКМ визуализации: имажинеринг в подвиде позитивизации и драматизации. Используются также инструменты ЖС: проповедь, позиционирование в подвиде оппозиции. ЛКМ имажинеринга в подвиде позитивизации используется для создания положительного имиджа, саморекламы. Пример: *Я уже двадцать шестой раз выхожу без всяких бумаг, у нас нет аппарата, который написал бы мне ипаргалки по каждому разделу.* Актуализация стратегии самопрезентации происходит посредством «объективного» оценивания с исходной количественной аксиологической стратегией: *уже двадцать шестой раз; профилирования самостоятельности и креативности: выхожу без всяких бумаг; отстранения от «Других» – бюрократического аппарата, путём аллюзии: у нас нет аппарата, который написал бы мне ипаргалки.* ЛКМ имажинеринга в подвиде гиперболизации актуализируется при создании образа родной страны: *И, конечно, смотрят на Россию, где горы, степи, леса, тайга, огромные города, огромные пространства и, самое главное, талантливейший народ.* Аттрактором в данной возрастающей градации конструирования пространственного образа является квалификатор «огромный», а выводным смыслом *и, самое главное, талантливейший народ*, что позволяет проявить эмпатию и вызвать эмоциональное сопереживание, чувство гордости за свою страну со стороны целевого адресата.

Анализ корпуса текстов показал, что некоторые способы актуализации ДС совпадают, хотя и соответствуют разным интенциям; следовательно, существуют универсальные инструменты ТУН, которые могут использоваться для создания разной силы воздействия в разных контекстах, обладающие потенциалом конструирования любых ДС для усиления воздействующего эффекта. К универсальным инструментам политического дискурса относятся: ЛКМ имажинеринга, позиционирования, метафоризации, стратегии моделирования будущего, создания круга «своих» и «чужих», эвфемизации, персональной дейктичности, пресуппозиции. В политическом дискурсе превалирует вариант ТУН с доминанцией ЖС, который следует считать более линейным способом управления коммуникацией по линии позиции адресанта и, в

этом смысле, менее эффективным в процессах дискурсивизации, освоения информации адресатом.

Параметризация **коммерческого медийного дискурса** выявила, что доминируют инструменты ТУН вовлечения в общение, вовлечения в бизнес, дефокусирования, вовлечения в инновационность. К ряду инструментов, способствующих вовлечению в общение, относятся ЛКМ позиционирования в подвиде единения, фокусирования, имажинеринга в подвиде позитивизации, инспирации, замедление темпа речи, приемы персонификации, персональная и временная дейктивность. Совокупность ЛКМ позволяет акцентировать внимание на настоящем моменте, объединяющем адресанта и адресата; мысленно передвигать дейктический центр в заданное время, проецировать реалистичность желаемого будущего; вдохновлять адресата воззваниями и лозунгами, указывая, что именно в настоящее время можно преобразовать реальность в лучшую сторону.

Идея о наступлении времени для величия и великих поступков, кольцевым повтором звучит в выступлении М. Цукерберга [<https://www.youtube.com/watch?v=QHbli3vOTZs>], во фрагменте убеждения адресата поверить в свои силы при выполнении некоторого условия и во фрагменте, описывающем желаемое будущее, которое надо себе позволить воплотить в жизнь. Примеры: *But once we realize that we can do great things ... That's a future where we dare to do great things and work to aggressively share the prosperity with everyone in the world. That is a future that I am excited to work with all of you to build.* Двойной анафорический повтор в последних двух предложениях: *That's a future ...*, дополнительно акцентирует внимание на реалистичности желаемого будущего, создание которого зависит от самих людей, усиливает экспрессию выражения.

Технологично конструирует дискурс, организованный вокруг концепта совместного финансового процветания и укрепления авторитета надежного партнера в бизнесе, известный китайский предприниматель и медийная личность Джек Ма. Его целевой адресат, работники и инвесторы кампании, охотно следуют за ним к достижению означенных целей и свершениям, в благодарность за публичное признание их усилий и повышение их значимости в совместной работе [<http://www.youtube.com/watch?v=euxJhgYZXL8&index=2&list=PLHTUpH4enCeIMgZQPb7HpOEy1INm5bmYf>]. В ряду инструментов, способствующих вовлечению в бизнес, выявляются стратегии личной заинтересованности в успехе, привлекательности новизны и свободы выбора, аргумент к авторитету большинства, моделирования будущего, визуализации, призывы, привнесение комического и игрового элементов в дискурсивизацию. Конструируется новая аксиологическая оппозиция «реальность – желаемое и необходимое будущее для каждого» и сценарий такого рода преобразования. Вызов современным реалиям преподносится как увлекательная игра, в которой главным героем может стать каждый. Дж. Ма рассказывает историю своего успеха, пытаясь в нарративе переструктурировать устойчивый фрейм успеха: главное – идея и намерение ее осуществить, а средства появятся в процессе работы. Пример: *So I later realized a lot of entrepreneurs didn't*

make it (нрпм. асм. solve problems) not because they don't have money but because they had too much money. Because when you try to solve problems with money that is when your real problems start. I believe that money could not solve all the problems...

Параметризация коммерческого дискурса инструментами дефокусирования реализуется на основе стратегий семантической диффамации, моделирования будущего и перспективности, привлекательности новизны, самопрезентации. В частности, такой вид коммерческого дискурса как страница-воронка выводит из фокуса внимания, маскирует реальные цели адресата и вводит в заблуждение посредством подмены понятий и умолчания. Конструирование интернет-страниц как для адресной, так и безадресной рекламы основано на действии инструментов вовлечения в общение и игру, позиционирования в подвиде единения, стратегии ссылки на авторитетность, положительной самопрезентации, масштабности.

Коммерческий дискурс настраивается с доминацией инструментов вовлечения в инновационность, как это проявляется при анализе ИПО Твиттера [<https://twitter.com/>]. Так, в рекламном девизе *Будьте мобильны с Твиттером*, вовлечение в инновационность аргументируется прагматически: при помощи социальной сети удобно узнавать о пробках по пути на работу, читать мнения партнеров по игре или знакомиться с самыми свежими отзывами о мероприятии, которое они собираются посетить.

Настройка коммерческого дискурса посредством ТУН достигается при совмещении базовых для данной дискурсивной формации ЛКМ позиционирования в подвиде единения и вовлеченности в разных подвидах, а также ЛКМ инспирации, фокусирования, стратегий моделирования будущего, моделирования интерактивности и привлекательности новизны, что способствует дестинаторности дискурса, направленного на привлечение целевого адресата. Анализ коммерческих публичных выступлений, слоганов ИПО, адресной и безадресной рекламы показывает, что конструирование коммерческого дискурса основано на синергичности продвигающих инструментов и визуальных средств посредством МС и УС.

Синергичный эффект инструментов ТУН способствует эффективной коммуникации и интенсифицирует взаимодействие коммуникантов в ИП. Градуированное совмещение сил состоит в том, что адресант выбирает инструменты в зависимости от установок целевого адресата, контекста, идеологий и обстоятельств коммуникации и меняет траекторию дискурса, управляя степенью аттракции. Воздействующая сущность ДС проявляется посредством различных ЛКМ. Так, ЛКМ позиционирования чаще всего объективирует ЖС в дискурсе, так как опирается в конструировании смысла на архетипическую когнитивную оппозицию разделения мира на «своих» и «чужих» и валоризацию целевой оппозиции «с нами хорошо» – «с ними плохо». Механизмы имажинеринга, инспирации, стратегия привлекательности новизны в объекте «продвижения», чаще всего выражают МС, так как не навязывают открыто свою позицию, но привлекают и завлекают, создают иллюзию свободы выбора, направляют внимание адресата профилированием

нужных черт и ориентиров. При активизации ЛКМ диалогичности, фокусирования, фреймирования, вовлечения в игру акцентируется внимание на одном варианте из множества как лучшем и наиболее эффективном, что указывает на УС. Следовательно, дальнейшее изучение инструментов, синергетически усиливающих ДС, будет способствовать развитию ТУН для эффективного управления медийным дискурсом.

В ходе анализа полимодальных, поликодовых медиа-текстов (их единиц и комплексов) в динамической реальности медийного дискурса разработан глоссарий, в который вошел 51 термин, установлены дискурсивные инструменты в количестве 67 единиц, используемых в работе и включенных в список терминов, что позволило произвести искомую параметризацию медийного дискурса в русле синергично-силовой концепции моделирования.

Дальнейшее исследование параметров, ДС и ЛКМ управления дискурсом с позиции технологичности взаимодействия адресанта и адресата, определение акциональной ответственности и аттрактивности дискурса целесообразно продолжить в плане расширения сфер, объектов и сущности сил влияния в разных типах и видах дискурсов, в том числе в лингвоконцептуальном и лингвокультурологическом планах. Данная перспектива анализа позволит диагностировать и градуировать действие ДС, и в частности, потенциала ТУН в современных процессах ускорения происходящих изменений, коммуникативной информационной конкуренции в медийном когнитивно-коммуникативном интеллектуальном пространстве и силового влияния в сфере взаимоотношений на индивидуальном, коллективном, международном уровнях, в том числе в аспекте межкультурной коммуникации.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:
Публикации в научных изданиях, включенных в информационно-аналитические
базы данных Scopus и Web of Science:**

1. Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Ежемес. науч. и общественно-пол. ж. Российской Академии наук «Социологические исследования». М., 2014. № 12. С.65-73. 1,3 п.л.
2. Якоба И.А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Науч. ж. «Вестник Томского гос. ун-та. Филология». Томск, 2015. № 3 (35). С. 122-134. 0,85 п.л.
3. Якоба И.А. Деконструкция дискурсивной технологии власти // Науч. ж. «Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание». Волгоград, 2015. № 5 (29). С. 184-196. 0,85 п.л.
4. Якоба И.А., Тимофеев С.С. Лингвокогнитивные механизмы умной настройки дискурса: смысло-ритмическое моделирование // Науч. ж. «Сибирский филологический журнал», Новосибирск, 2016. № 1. С. 126-136. 0,5/0,4 п.л.
5. Якоба И.А. Модусная ориентированность при интерпретации событий-аттракторов медийного дискурса (на примере ситуации крушения самолета MH17 Malaysia Airlines) // Науч. ж. «Вестник Томского гос. ун-та. Филология». Томск, 2016. № 3 (41). С. 88-95. 0,7 п.л.
6. Якоба И.А. Лингвокогнитивный комплекс механизмов, усиливающих пенетрационную способность паттернов дискурса // Науч. ж. «Вестник Томского гос. ун-та. Филология». Томск, 2019. № 58. С.115-128. 1 п.л.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ по специальности 10.02.19:

7. Якоба И.А., Серебренникова Е.Ф. «Умная настройка» политического французского дискурса (на материале выступлений Ш. де Голля) // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2018. №1. С. 100-105. 0,75/0,4 п.л.
8. Якоба И.А. Эффективность медийного дискурса по критерию градации сил // Теория языка и межкультурная коммуникация. Эл. науч. ж. Курского гос. ун-та. Курск, 2018. №4(31). С.216-225. 0,6 п.л.
9. Якоба И.А. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // ж. «Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та». Петрозаводск, 2019. № 3 (180). С.94-100. 1,1 п.л.
10. Якоба И.А. Актуализация аттрактивизации в медийном рекламном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. Эл. науч. ж. Курского гос. ун-та. Курск, 2019. №1 (32). С.227-235. 0,5 п.л.
11. Якоба И.А. Синергичность механизмов умной настройки дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. Эл. науч. ж. Курского гос. ун-та. Курск, 2019. №1 (32). С. 236-248. 0,5 п.л.
12. Якоба И.А. Моделирование воздействия механизмов поликодовости гимнов России и США// Ученые записки Крымского фед. ун-та имени В.И. Вернадского. Филологич. науки. Науч. ж. Симферополь, 2019. Том 5 (71). № 1. С. 200-217. 1,2 п.л.
13. Якоба И.А., Костина К.В. Лингвокогнитивные механизмы поликодовости // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2019. № 3. С. 72-79. 0,9/0,7 п.л.
14. Якоба И.А. О власти дискурса как дискурсивной силе управления коммуникацией // Вестник ЧГУ. Череповец, 2019. № 4. С. 132-141. 1,1 п.л.
15. Якоба И.А. Типология дискурсивных сил посредством аксиометрии // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2019. № 3 сент. С. 16-23. 0,9 п.л.
16. Якоба И.А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник ЧГУ. Череповец, 2019. №5 (95), С. 175-187. 1,4 п.л.
17. Якоба И.А. Лингвокогнитивные механизмы поликодовости гимна России // Теория языка и межкультурная коммуникация. Эл. науч. ж. Курского гос. ун-та. Курск, 2019. №3 (34), С. 269-277. 1,2 п.л.
18. Якоба И.А. Параметризация публичного выступления на примере Геттисбергской речи А. Линкольна // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. №3, С. 20-29. 1,2 п.л.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

19. Якоба И.А. Интеллектуальное пространство постмодерна как основание для лингвистических инноваций // Науч. ж. «Вестник ИрГТУ». Иркутск, 2013. № 8. С. 326-332. 0,5 п.л.
20. Якоба И.А., Дубровина А.С. Использование «умной настройки» Твиттером при проведении ИПО (IPO) // Науч. ж. «Вестник БГТУ им. Шухова», Белгород, 2014. № 3. С.232-239. 0,5/0,4 п.л.

21. Якоба И.А., Лесниковская Е.В. Власть дискурса при интерпретации событий-аттракторов медийного пространства // Науч. ж. «Вестник ИрГТУ», Иркутск, 2014. № 10. С. 352-359. 0,6/0,4 п.л.

22. Якоба И.А., Тимофеев С.С. К.Маркс как эффективный дискурсолог XX века: лингвокогнитивные механизмы «умной» настройки дискурса // Науч. ж. «Вестник БГТУ им. Шухова», Белгород, 2015. № 1. С. 232-239. 0,5/0,3 п.л.

23. Якоба И.А., Тимофеев С.С. Лингвокогнитивные механизмы управления дискурсом: конструирование аттрактивного имиджа // Науч. ж. «Вестник ИрГТУ», Иркутск, 2015. № 1. С.328-332. 0,5/0,3 п.л.

24. Якоба И.А. «Умная настройка» как дискурсивная технология эффективной коммуникации // Науч. ж. «Дискурс ПИ», Екатеринбург, 2017. № 1 (26). С. 80-85. 0,5 п.л.

25. Якоба И.А. Деконструкция дискурса Дональда Трампа (на примере его предвыборных выступлений 2016 г.) // Науч. ж. «Дискурс ПИ», Екатеринбург, 2017. № 1 (26). С. 164-170. 0,9 п.л.

26. Якоба И.А., Потемкина Ю.С. Деконструкция гимна США: выявление дискурсивных сил взаимодействия с адресатом // Науч. ж. «Дискурс ПИ», Екатеринбург, 2017. № 2 (27). С. 181-187. 0,9/0,6 п.л.

27. Якоба И.А. Деконструкция гимна России: выявление дискурсивных сил взаимодействия с адресатом // Науч. ж. «Дискурс ПИ», Екатеринбург, 2017. № 2 (27). С. 174-180. 0,8 п.л.

Монографии:

28. Якоба И.А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. Монография. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. – 242 с. 15,5 п.л.

29. Якоба И.А. Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка». Монография. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2017. – 189 с. 11,75 п.л.

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

30. Якоба И.А. Лингвокогнитивные параметры «интеллектуального» пространства: обоснование термина и выявление характеристик // «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» // Материалы конф. молодых ученых (4-7 марта 2013). – Иркутск: ИГЛУ, 2013. С. 181-186. 0,2 п.л.

31. Якоба И.А. Лингвистические механизмы мягкой силы в политическом дискурсе (на материале речи В.В. Жириновского на 26 съезде ЛДПР от 25.03.2013) // «Аспирантские чтения в ИГЛУ 2013» // Материалы всерос. научно-практ. конф. для молодых ученых, аспирантов, магистрантов (23-24 мая 2013). – Иркутск: Изд-во ИГЛУ. С.181-187. 0,7 п.л.

32. Якоба И.А., Серебрянская Н.С. Лингвистические способы аттрактивности в Интернет-коммуникации (на материале социальных сетей) // Эл. ж. «Молодежный вестник ИрГТУ», 2013. № 3 (сентябрь) 0,3/0,2 п.л.

33. Якоба И.А. Механизм интеллектуальной настройки социального пространства // Материалы VIII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения - 2013» (5-6 декабря 2013) МГУ им. Ломоносова «Социальное неравенство как глобальная проблема современности»: Сборник тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2013. С. 308-310. 0,1 п.л.

34. Якоба И.А., Ретивых А.В. Потенциал «мягкой силы» для развития интернет-бизнеса. // Язык и культура: взгляд молодых исследователей: сборник статей студентов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. С.159-164. 0,4/0,25 п.л.

35. Якоба И.А. К проблеме симметрии позиций адресанта и адресата в модели акта коммуникации // «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук»: материалы конф. молодых ученых (3-6 марта 2014). – Иркутск: ИГЛУ, 2014. С.89-91. 0,3 п.л.
36. Якоба И.А. Пространственное моделирование коммуникации и дискурса в современных теориях // «Аспирантские чтения в ИГЛУ 2014»: материалы всерос. научно-практ.конф. для молодых ученых, аспирантов, магистрантов (20-21 мая 2014). – Иркутск: Изд-во ИГЛУ. С.175-182. 0,4 п.л.
37. Якоба И.А., Егоров М.А. Применение дискурсивных силовых технологий по отношению к самоидентификации Крыма // «Язык и культура стран изучаемого языка»: материалы студ. науч.-практ. конф. (20 мая 2014). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. С.81-88. 0,3/0,2п.л.
38. Якоба И.А., Шуняева А.Н. Сила воздействия слова: орфоарт и интернет-сленг в динамике развития // Эл. ж. «Молодежный вестник ИрГТУ», 2014. № 2 (июнь). 6 с. 0,3/0,2 п.л.
39. Якоба И.А. Лингвокогнитивные механизмы управления дискурсом // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конф. молодых ученых (10-13 марта 2015). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С.87-91. 0,3 п.л.
40. Якоба И.А. Модель управления медийным дискурсом - технология умной настройки // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения 2015 (14–15 мая 2015): сборник науч. статей [Электронный ресурс]. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С.284-297. – Режим доступа: CD-R. 0,9 п.л.
41. Якоба И.А., Бадлуев С.М. Власть дискурса как категория воздействия и управления // Язык, культура, наука и техника страны изучаемого языка: мат-лы Всерос. науч.-практ. студен. конф., посвящ. 85-летию ИРНИТУ (25 мая 2015). – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2015. С. 21-29. 0,5/0,4 п.л.
42. Якоба И.А. Смыслоритмическое моделирование как компонент «Умной настройки» дискурса (на примере декларации независимости США) // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения 2016 [Электронный ресурс] (19–20 мая 2016): сборник науч. статей. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 244-251. – Режим доступа: CD-R. 0,6 п.л.
43. Якоба И.А., Томских О. Деконструкция дискурса М.Цукерберга, посвященного взаимосвязанности // ж. Социальная компетентность. 2017. № 1. С.40-45. 0,8/0,5 п.л.
44. Якоба И.А. Деконструкция выступления Стива Джобса «Оставайтесь голодными, оставайтесь безрассудными» // ж. Социальная компетентность. 2017. № 2. С. 29-32. 0,5 п.л.
45. Якоба И.А. Ценностные основания моделирования выступления Ш. де Голля «Воззвание к французам» // «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа» (18-21 сентября 2018). Сборник междунар. науч.конф. – Иркутск: ИГУ, 2018. С. 568-572. 0,3 п.л.